

СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Станислав Вторушин

Еще один день

«ВЕЧЕ»

2019

Вторушин С. В.

Еще один день / С. В. Вторушин — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7722-5

«Еще один день» – это роман о советских геологах, открывавших месторождения нефти и газа в Западной Сибири, о людях, искренне и честно послуживших своей Отчизне. Главный герой романа, начальник таежной экспедиции Роман Остудин, не страшится трудностей, не пасует перед партийными функционерами и «держит удар» как подобает настоящему мужчине. Во многом благодаря таким, как он, страна сумела пережить непростые времена лихолетья.

ISBN 978-5-4484-7722-5

© Вторушин С. В., 2019
© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Пролог	6
Зов Севера	13
Таня	19
В Таежном	41
Татьяна, помнишь дни золотые...	51
Новый хозяин	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Станислав Вторушин

Еще один день

Знак информационной продукции 12+

© Вторушин С. В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

Пролог

К самолету Остудин подходил с таким чувством, словно его вели под конвоем. Он не хотел видеть ни груз, который привезли на аэродром, ни всю сцену его передачи семье Кузьминых. Одна мысль об этом останавливала сердце. В голове не умещалось, как могло случиться такое. Когда он услышал о смерти Саши Кузьмина, у него оцепенела душа. Он сразу понял – Кузьмин этого не переживет.

А ведь все в этот день начиналось так хорошо. На совещание к начальнику областного геологического объединения Батурину Остудин шел в приподнятом настроении. Еще накануне вечером он получил из экспедиции радиogramму, что испытания скважины на Кедровой площади начнут сегодня с утра. Он был абсолютно уверен в том, что она даст нефть. А это значит, что он победил. Все остальное: и нечеловеческие усилия, и самые горькие разочарования, и нервотрепка последнего времени – отошло на второй план. Он представлял радостные лица буровиков, своего зама Кузьмина, главного геолога Еланцева, и от этого у него самого невольно появлялась улыбка. Ведь все они живут на Севере ради одного – поиска нефти.

Совещание проходило по-деловому сухо, как это всегда было у Батурина, на конкретные вопросы давались такие же короткие, конкретные объяснения.

Когда оно закончилось, руководители экспедиций, и те, которых Захар Федорович Батурин похвалил, и те, которым он минуту назад бросал упреки, тесным кружком обступили его. У каждого было свое, недоговоренное. То, что минуту назад выглядело чинным мероприятием, превратилось в толчею. Батурин слушал, слегка наклонив голову, и почему-то все время смотрел на тумбочку с телефонами. Он словно ждал звонка. И через некоторое время из трех телефонов зазвонил красный, по назначению – прямой.

– Прошу простить, – сказал Батурин, и все тут же умолкли. – Да, да. Здравствуй, Семен Гаврилович... Да ты что!.. У меня как раз начальник Таежной экспедиции... – Батурин сдвинул к переносице густые, пробитые редкой сединой брови, и его лицо сразу стало суровым. Перехватив настороженный взгляд Остудина, он опустил глаза и тихо произнес: – Роман Иванович, задержись.

Закончив разговор, Батурин на ощупь, не попав с первого раза на рычаги аппарата, опустил телефонную трубку и отрешенно уставился в пространство. Начальники экспедиций, сгрудившиеся вокруг стола, застыли в молчаливом ожидании. Они поняли, что Батурина сообщили важную новость, и теперь ждали, когда он поделится ею. Но вместо этого он, все так же глядя в пространство, сделал рукой жест, который означал, что все могут расходиться. Громко отодвигая стоявшие у стола стулья, люди начали выходить из кабинета.

Батурин, который записывал некоторые просьбы начальников в свой ежедневник – толстую тетрадь в хорошем ледериновом переплете – и каждый из них знал, что все это будет взято на особый контроль, не воткнул ручку в пластмассовый голубой стаканчик, а, захлопнув ежедневник, оставил ее в нем. И, нахмурившись так, что его кустистые брови сошлись у переносицы, не произнес, а скорее вытолкнул из себя тяжелые слова:

– Неприятная новость, Роман. – Остудин обратил внимание, что он впервые назвал его просто по имени. – Звонил военком. Александра Кузьмина убили. Гроб с телом везут из Афганистана. Сегодня вечером он будет в нашем аэропорту... Насчет подробностей свяжись с военкомом...

Остудин застыл, глядя на красный телефонный аппарат. Александр был единственным сыном его заместителя Константина Павловича Кузьмина. У Кузьмина болело сердце, и он сразу подумал, что эта страшная весть убьет и его. Поэтому переспросил:

– А военком не ошибся? – и посмотрел Батурина прямо в глаза. – Две недели назад я Сашу Кузьмина вот как вас видел. Он приезжал в Таежное на побывку. У него есть невеста, дочь бурового мастера Лена Федякина.

– Еще и невеста. – Батурин провел пальцами по воротнику рубашки, словно она ему вдруг стала тесной. – А насчет недели... У войны, Роман, свой отсчет времени... Звони военкому.

Батурин переставил телефон с тумбочки на стол, сам набрал номер.

Остудин никогда не считал себя человеком слабым. И это не было самохвальством. Ему приходилось бывать во всяких переделках, и он ни разу не дрогнул. Это не единожды отмечали те, кто сопровождал его «в трудах и походах».

Всякое приходилось видеть Роману Остудину: и счастливые лица первооткрывателей, и натянутые, вымученные улыбки неудачников. Приходилось поднимать стакан, утверждая: «Не пью, потому что горько», приходилось закрывать глаза навсегда ушедшим.

Таких было трое: Наташка Сергеева, Влас Старков и Венька Брызгалов. Наташка утонула, переходя вспучившуюся после ливня горную речушку Громотуху. Смерть ее оказалась совершенно нелепой. Воды в речке было всего по пояс. Но Наташка поскользнулась на осклизлом валуне, ударилась затылком о камень, и пока ее выловили из воды, было уже поздно. Влас, работавший геофизиком, умер от непонятно какой болезни в Печорской тайге. Умер только потому, что их группе не дали рации, и они не смогли вызвать санитарный вертолет. Четыре дня двое несли на носилках третьего, а в ночь на пятый день Влас тихо закрыл глаза и больше уже никогда не открыл их. Роман и Юрка оставили носилки, связали волокушу и еще два дня до выхода в деревеньку Сосновку тащили тело на волокуше.

А вот Венька Брызгалов погиб от пули. Произошло это на Урале, где Остудин был на студенческой практике. Зайцев в том районе была тьма, и геологи часто охотились на них. Ходили по двое. В тот раз в паре с Венькой шел Роман. Поэтому он все видел, но не сразу все понял. Они обходили большую вырубку. Рядом с Венькой выскочил русак. Венька выстрелил, заяц по-детски закричал и закрутился на месте. Венька в азарте подбежал к нему и стал добивать прикладом. Ружье выстрелило вторым стволом. Заряд вошел Веньке в грудь.

Все три смерти обидные, но объяснимые. Наташка и Влас погибли на службе. Они делали работу, которая была нужна людям. Венька обрек себя по собственной неосмотрительности. А вот из-за чего погиб Саша Кузьмин, сероглазый, улыбчивый парень, который после армии хотел стать геологом, чтобы со временем заменить отца?

Два года назад его призвали в армию. Через год он оказался в Афганистане. Писал отцу короткие, но спокойные письма. В одном сообщил, что награжден орденом Красной Звезды. Кузьмин насторожился, потому что боевые ордена за мирную службу не дают. И даже поделился своими опасениями с Остудиным. Но месяц назад Саша приехал на побывку, и все тревоги сразу рассеялись.

Константин Павлович по этому поводу устроил застолье. Столы ломились от яств. Здесь была и лосятина, тушенная в вине, и рябчики, запеченные с брусникой, и грузди со сметаной. Остудин, бывший на пиру почетным гостем, снова и снова воспроизводил картину: во главе стола сидит Кузьмин-старший, справа от него – Саша. Добрый, русоволосый, в новеньком камуфляже (камуфляж тогда только входил в моду, и Саша специально прихватил его, чтобы покрасоваться), при ордене Красной Звезды и медали «За отвагу» – про нее он написать не успел: сразу после вручения разрешили отпуск. На углу стола рядом с Сашей, чуть касаясь его красивым плечом – Леночка Федякина. Вчерашняя угловатая длинноножка, неизвестно когда успевшая из Золушки превратиться в принцессу и стать первой поселковой красавицей. Саша постоянно бросал на нее короткие взгляды, и его глаза радостно светились. Это открыто замечали все, в том числе и Остудин. Константин Павлович, когда вышли в соседнюю комнату курить, по секрету сообщил: «Санькина невеста. Хотели теперь пожениться, но мы с матерью отсоветовали. Вот вернется со службы...»

Последний раз Остудин видел младшего Кузьмина накануне его отъезда. Возвращаясь домой поздно вечером, около федякинской калитки Роман Иванович чуть было не налетел на парочку. Он нарочито отвернулся, чтобы не смущать молодых. Но они и не стеснялись. Саша Кузьмин забрал под свой полушубок Ленку, и они, забыв обо всем на свете, целовались. Так увлеклись, что на Остудина не обратили внимания. Когда он предупредительно кашлянул, они лишь отодвинулись к калитке, освобождая проход на узкой, протоптанной в снегу тропинке. Приподняв отвороты полушубка, Сашка полуспрятал в них буйную свою голову. Никого в этот момент не видел, не слышал, и никто для него не существовал, кроме Ленки.

И вот теперь эта красивая девочка с удивительными синими глазами уже не сможет прижаться к груди того, кто первым поцеловал ее. Остудин вдруг представил, как вздрогнет она, услышав страшную весть, сникнет и потухнет, как побелеют ее губы и потускнеет взгляд, и ему стало нехорошо. «Что же это за жизнь? – подумал он. – Не жизнь, а свеча на ветру, которая может погаснуть каждую минуту. Кто же выставил нас на такой ветер? Ведь Саша отпраздновал свое двадцатилетие всего месяц назад. Разве можно допустить гибель человека в таком возрасте? Еще немного, и от некогда великого народа не останется ничего. Кто же повинен в этом?»

Вопросы лезли в голову, сжимали сердце, иногда почти останавливая его, но Остудин знал, что не успокоится, пока не найдет ответа. «Но кто же даст его мне? – подумал он. – За что мы воюем в Афганистане? И что такое ограниченный контингент войск? Вот уже третий год он вязнет в стране, которая нам не друг, не сват и не брат. Кто такие моджахеды? Кто такие душманы? И чего мы не можем поделить с ними?»

Мысли об Афганистане, о том, что в нашей жизни что-то идет не так, возникали у Остудина, когда он нетвердым шагом шел через подмерзшее поле аэродрома к одинокому Ан-2, стоящему у самого края рулежной полосы. И еще он думал, как сказать Константину Павловичу, что он привез гроб с телом его сына. Пытался поставить себя на его место, но сопоставление не укладывалось в голове. У него было неосознанное чувство вины перед своим заместителем. «Наверное, это потому, что у меня, в отличие от него, нет сына, – подумал Остудин. – Но если бы он и был, ему еще нужно вырасти. Время моих детей впереди», – горько усмехнулся Остудин и двинулся к открытой дверке самолета. В нем находился только второй пилот. Ни командира, ни страшного груза еще не было. Увидев Остудина, пилот спрыгнул на землю, притопнул тяжелыми, на собачьем меху сапогами, и, козырнув по-военному, коротко сказал:

– Командир сейчас придет. – И, опустив руку, добавил: – Диспетчер попросил нас взять до Таежного девушку. Вы не возражаете?

– Да нет, – сказал Остудин, глядя, как из здания аэропорта вышла вереница людей и направилась на посадку в стоявший недалеко Ан-24. Ему было все равно, кто полетит с ним.

Остудин хотел спросить про гроб, но не стал. К самолету, хрустя шинами по некрепкому утреннему льду, приближалась крытая машина, в которой, очевидно, и везли Сашу Кузьмина. Она остановилась, и из нее, не закрыв дверцу кабины, осторожно вылез старший лейтенант, по виду еще совсем мальчик, с бледным, без единой кровинки, лицом. Он был одет в меховую камуфляжную куртку, но Остудин сразу обратил внимание на его левую руку, висящую на перевязи. Шофер машины протянул ему из кабины маленький чемоданчик.

Откинув тент, из кузова спрыгнули четыре солдата. Молча открыв задний борт, они сноровисто вытащили из машины длинный деревянный ящик, сбитый из грубых, необструганных досок, и понесли его к самолету.

– А мне казалось, что погибших солдат привозят в цинковых гробах, – глядя на старшего лейтенанта, не удержавшись, произнес Остудин.

– Вам совершенно правильно казалось, – сухо, давая всем своим видом понять, что ни в какие пространственные разговоры он вступать не хочет, ответил старший лейтенант.

Остудин промолчал. Солдаты поднесли гроб к дверке самолета. Но оказалось, что Ан-2 не приспособлен для таких грузов. Гроб наполовину застрял в узкой и низкой дверке, и его никак не удавалось протиснуть в салон.

– Вытащите его оттуда, – шагнув к самолету, сухо приказал старший лейтенант. – И попробуйте протолкнуть боком.

Парни молча выполнили команду. Но груз, цепляясь стенками и скрежеща, словно сопротивлялся вольному с ним обращению. И каждое его прикосновение к металлу вызывало у Остудина прямо-таки физическую боль, как будто это его обнаженное тело, минуя острые железные крючья, старались не внести, а протащить в самолет.

– Да скажите же вы им, что там человек, – не выдержал Остудин.

– Там тело, – мрачно сказал старший лейтенант. Тем не менее вмешался: – Осторожнее, ребята. Приподнимите перед, так, по-моему, будет лучше.

Так действительно оказалось лучше. Гроб затащили в салон, кряхтя, отодвинули в хвост самолета. Машина уехала. Старший лейтенант остался у самолета. «Значит, полетит с нами», – подумал Остудин, и ему сразу стало легче. Больше всего его мучила предстоящая встреча с Кузьминым. Теперь рассказывать о смерти Саши придется старшему лейтенанту. Подойдя к нему, Остудин протянул руку:

– Хочу с вами познакомиться. Я начальник Таежной нефтеразведочной экспедиции. Сашин отец работает моим заместителем.

– Смышляев, командир взвода, – ответил старший лейтенант и впервые внимательно посмотрел на Остудина.

– Саша служил у вас? – спросил Остудин, хотя понимал всю нелепость вопроса. Спросить ему хотелось совсем о другом.

– Он был у меня командиром отделения, – без всякой интонации в голосе, по-казенному сухо ответил старший лейтенант.

– Как нелепо устроена жизнь, – вздохнул Остудин и посмотрел на самолет, в котором лежал мертвый Саша Кузьмин. Он понял, что цинковый гроб находится в деревянном ящике. – Летом он собирался жениться.

– Я слышал, – сказал комвзвода и поставил чемоданчик на землю.

– Как он погиб? – Остудин повернулся лицом к Смышляеву. Ему хотелось подробнее рассмотреть человека, вернувшегося с линии фронта.

– По-мужски. Остался прикрывать ребят, пошедших на прорыв. – Смышляев говорил медленно и все так же бесстрастно.

– А шансы у него были?

– Никаких. Он спасал других. – Смышляев посмотрел, как от Ан-24 отвозят трап, по которому только что поднимались пассажиры.

– Не знаю, как обо всем этом рассказать отцу, – произнес Остудин, глядя на старшего лейтенанта. – Он и без того живет на одних лекарствах.

Остудин хотел, чтобы Смышляев ответил: «Я сам скажу отцу, для этого меня послали». Но, видимо, никто Смышляева не посылал, и он, раненый, полетел не домой, лечиться, а сюда, хоронить друга. Молчание тянулось и тянулось, потому что искреннее переживание всегда молчаливо. Первым заговорил офицер.

– Скорее бы вылететь, – выдохнул он и поднял глаза к небу. – Сколько нам добираться до места?

– Если будет попутный ветер, часа четыре.

И тут Остудин увидел идущего к самолету командира экипажа, рядом с которым была женщина. Одного взгляда на ее фигуру в ладной, аккуратненькой шубке, на высокую соболью шапку было достаточно, чтобы у него застучало сердце. Это была Таня. Он понял, что именно о ней говорил второй пилот. Знала ли она, что ей придется лететь одним самолетом с ним? По

всей вероятности, нет. То, что они должны были встретиться в Таежном, не вызывало сомнений. Но она не могла заранее предположить, что эта встреча произойдет сейчас и при таких обстоятельствах.

С того самого момента, когда они увиделись впервые, он ни на минуту не забывал о ней. Однажды ему показалось, что они могли бы часами сидеть вместе и разговаривать, не произнося ни слова. Достаточно было смотреть в глаза друг другу. Так она понимала его, и, как ему показалось, он ее понимал так же. И сейчас, увидев Татьяну, он весь потянулся к ней и полупшепотом произнес:

– Здравствуй!

– Здравствуй, – ответила она, слегка смутившись, что не ускользнуло от его внимания, и добавила: – Надо же, собралась к начальнику экспедиции за тридевять земель, а встретила у калитки дома.

Таня перевела взгляд на старшего лейтенанта с рукой на перевязи.

– Здравствуйте, – произнесла она, глядя на его руку. – Вы тоже с нами?

Он молча кивнул.

Остудин помог старшему лейтенанту подняться на ступеньку, затем под локоть подсадил Таню. Стараясь не зацепиться за ящик, внутри которого находился цинковый гроб, она прошла к пилотской кабине и уселась на откинутое сбоку металлическое сиденье. Остудин понял, что командир ничего не сказал ей о грузе, который полетит вместе с ними. Старший лейтенант сел напротив Тани. Остудин опустил на сиденье рядом с ней.

– Сколько же мы не виделись? – спросил он, оглядывая ее, и тут же про себя начал вспоминать, когда они встречались последний раз.

Было это полтора года назад. С тех пор, как Татьяна уволилась из «Северной звезды». Ее отъезд был для него полной неожиданностью. Обидело то, что она даже не сообщила ему об этом. Иногда он встречал знакомую фамилию в областной молодежной газете, но так как держал эту газету в руках от случая к случаю, кем там работает Татьяна, как складывается у нее жизнь, не представлял даже смутно. Не раз давал себе слово зайти в редакцию, чтобы хоть мельком встретиться с Таней взглядом, но так и не зашел. Убедил себя в том, что, если она уехала не попрощавшись, значит, решила, что так будет лучше. Но сейчас все, что, казалось бы, ушло навсегда, снова нахлынуло на него. Он смотрел на нее и чувствовал, как теплая волна накатывается на сердце.

– Год и четыре месяца, – ответила Таня, бросив на него быстрый взгляд.

– Целую вечность, – произнес Остудин, опустив глаза.

– А мне показалось, что все это пролетело как один день, – легко сказала Таня, и он понял, что она тоже рада встрече с ним.

Таня резко отвернулась, заглядывая в открытую дверь кабины пилотов, каштановая прядь волос выбилась из-под ее собольей шапки, и Остудина обдало еле уловимым ароматом духов. Он сразу вспомнил этот аромат, и ему вдруг неодолимо захотелось поцеловать ее волосы. Но в этот момент он столкнулся взглядом со старшим лейтенантом, который то и дело приподнимал левую, перебинтованную руку правой. Очевидно, она доставляла ему серьезную боль. «Насколько же все-таки мерзок человек, – подумал о себе Остудин, глядя на старшего лейтенанта. – У меня должен стоять комок в горле, а я думаю о женщине».

Однако он все же прикоснулся к ее пряди. Он вытянул шею, стараясь увидеть, что делают в кабине пилоты, и Танины волосы упали на его лицо. Остудина обдало жаром, но она тут же поставила его на место.

– Ты становишься сентиментальным, Роман, – не поворачивая головы, тихо произнесла Таня. – Нельзя дважды войти в один и тот же поток.

Пилоты начали заводить самолет. Мотор несколько раз чихнул и заревел так, что корпус машины стала бить легкая дрожь. Скрипнув тормозами, самолет покати со своей стоянки,

надсадно погудел, остановившись у края взлетной полосы, и вдруг легко, словно стрекоза, заскользил по бетону, оторвался от него, и Остудин увидел в иллюминатор проплывающую под собой землю.

Снег уже почти стаял. Лишь в ложбинках и березовых колках виднелись большие белые пятна. На черных полях, отражая утреннее мартовское солнце, кое-где блестели замерзшие лужи. В областном центре была весна, а в Таежном ею пока и не пахло, и геологи по зимникам вывозили на буровые последние грузы. Глядя вниз, Остудин невольно вернулся мыслями к своей экспедиции.

Когда пилоты перевели машину на крейсерский режим и в самолете стало потише, Таня, повернувшись к нему, спросила:

– Мы можем поговорить о деле?

Лицо Остудина сразу стало унылым. «Так вот зачем она полетела ко мне в экспедицию, – подумал он. – Она осталась такой же неумной, как и раньше».

– Давай о чем-нибудь другом. – Остудин напряженно улыбнулся. – Сегодня мне меньше всего хочется говорить о делах.

– И все-таки я спрошу, – упрямо произнесла Таня. – Что означает для тебя скважина, которую вы сейчас бурите на Кедровой площади?

– Протест против всего, что не дает нам нормально жить и работать, – с явной неохотой ответил Остудин. – Если бы нам не мешали, мы бы открыли там нефть еще год назад.

– Ты уверен, что вы ее откроете? – спросила она.

– Как в том, что ты сидишь рядом со мной.

– На чем основывается эта уверенность? – Тане хотелось дойти до сути ответа.

– На исследованиях геофизиков, на первой пробуренной там скважине, которую нам загубили. На нашем чутье охотников за нефтью, наконец. Тебя это устраивает?

– Да. А когда будут испытания?

– Они уже идут. А теперь могу спросить я?

– Конечно! – Она сняла тяжелую шапку и мотнула головой, отчего ее волосы рассыпались по плечам.

– Как у тебя твои домашние дела? Все улеглось?

– Относительно. – Таня опустила голову и, покрутив носком сапога, стала нарочито внимательно рассматривать свои ноги. – Если бы не Андрей, мне было бы невероятно трудно...

У Остудина неприятно заскребло на сердце. Он никогда не видел Андрея, но с тех пор, как узнал Таню, все время ревновал ее к нему. Хотя не имел на это никакого права. Поэтому тут же спросил себя: а чего ты хотел? Чтобы она жила одна, и ты мог приезжать к ней, когда тебе вздумается? Нет, семья всегда была основой России. Покуда будет семья, до тех пор будем существовать и мы...

Старший лейтенант опять попытался найти для раненой руки более удобное место, но это причинило ему такую боль, что он, побелев, невольно скорчился и застонал сквозь зубы.

– Вам помочь? – сразу встрепенувшись, потянулась к нему Таня.

– Не обращайтесь внимания, это сейчас пройдет, – ответил он, подняв на нее искаженное болью лицо.

Остудин открыл портфель и достал бутылку коньяка. Он всегда брал его с собой в дорогу. Коньяк помогал легче переносить утомительные многочасовые перелеты на таких самолетах, как Ан-2. Этому научил его главный геолог Еланцев. Однако у Остудина не оказалось стакана, а к пилотам идти не хотелось. Таня увидела растерянность на его лице. Но замешательство длилось несколько мгновений. Вслед за бутылкой Остудин извлек из портфеля насессер, вытащил из него алюминиевый стаканчик, в котором разводят мыльную пену для бритья, и протянул старшему лейтенанту.

– Держите, он чистый, – сказал Остудин и, когда старший лейтенант взял стаканчик в руку, открыл бутылку.

Остудин понимал, что коньяк не лучшее лекарство от раны, но ничего другого у него не было. Он налил коньяк в стаканчик, и старший лейтенант, запрокинув голову, залпом выпил его. Закуски не было. Таня поняла это по лицу Остудина, поэтому достала из своей сумочки шоколадку, которую на всякий случай всегда брала в дорогу, разломилась пополам и отдала половинку старшему лейтенанту. Остудин опять наполнил стаканчик коньяком и вернул его раненому.

– Пейте, – сказал он. – Это должно помочь.

Старший лейтенант закрыл глаза и снова опрокинул коньяк в рот. Вытер мокрые губы тыльной стороной ладони и протянул стаканчик.

– Саша был вашим другом? – спросил Остудин, видя, что с лица старшего лейтенанта начинает исчезать пугающая белизна.

– Он прикрывал нас, когда я вел ребят на прорыв.

– Так это вас зацепило там? – Остудин показал глазами на раненую руку.

Старший лейтенант молча кивнул.

– Может, выпьете еще? – Остудин протянул ему бутылку.

– Нет, хватит, – решительно мотнул головой офицер.

Таня, внимательно слушавшая разговор, перевела взгляд на ящик и сразу изменилась в лице. Она не могла понять, как не подумала об этом раньше. Ведь она чуть не запнулась об него, заходя в самолет. Очевидно, произошло это потому, что ей часто приходилось летать в самолетах и вертолетах геологов. А они постоянно возят в них то какие-нибудь железяки, то ящики с оборудованием. Но спрашивать, что или, вернее, кто там находится, не стала. Ей казалось, что Остудин должен сам сказать об этом. Однако он сидел, уставившись, словно изваяние, в одну точку. Работа, все личные переживания были сейчас за границами его сознания. «Что я скажу Кузьмину? – уже в который раз думал он. – Ведь недаром еще древние говорили: не дай бог родителям увидеть смерть своих детей». Он посмотрел на ящик и перевел глаза на потрясенную Таню.

– Кто в этом гробу? – едва выговаривая слова, спросила она, и Остудин заметил, как расширились ее темные зрачки.

– Сын моего заместителя Саша Кузьмин. Ты его знала?

Зов Севера

Начальником Таежной нефтеразведочной экспедиции Роман Иванович Остудин стал два года назад. До этого работал начальником цеха бурения на одном из нефтяных промыслов Поволжья и о Сибири знал только понаслышке. Его жена Нина была учительницей английского языка, и занимаемое положение вполне устраивало обоих. Им казалось, что оторвать их от родной земли невозможно, настолько они приросли к ней. Но когда в Сибири стали открывать одно месторождение нефти за другим и конторы бурения начали расти там как грибы, в таежные дебри хлынули буровики со всех концов страны. Из Поволжья на берега Оби поехали целые бригады. Бродяжий зуд задел и Остудина. Но ему не хотелось заниматься эксплуатационным бурением. Он всегда считал его вторичным, ведь промысловики идут по пятам геологов. Остудин был честолюбив и самоуверен.

В студенческие годы ему снились сны, в которых он видел себя удачливым геологом, открывателем крупных месторождений нефти. Однообразная работа буровика вытеснила их из памяти. Но однажды сны напомнили о себе. Подписывая собравшемуся в Сибирь бурильщику Тимофею Евстигнееву заявление на увольнение «по собственному желанию», он вдруг ощутил острую зависть к нему.

– Стало быть, в Сибирь? – спросил Остудин и устремил свой взгляд куда-то вдаль, мимо Евстигнеева.

Ему вдруг представились бескрайние леса, маленькие и аккуратные деревянные поселки с широкими, заросшими травой улицами, и высокие пирамиды буровых вышек рядом с ними. Люди открывают там новую страницу в истории освоения огромного края. Они живут совсем другими заботами, думают совсем не о том, о чем каждый день болит голова у него. И Остудин впервые ощутил, что в его устроенной жизни чего-то недостает.

– В Сибирь, – медленно ответил Евстигнеев, удивившись неожиданной перемене в настроении начальника.

– А что, и в Сибири люди живут. – Остудин задумчиво протянул бурильщику заявление со своей резолюцией.

Тимофей Евстигнеев ушел, легонько прикрыв дверь. Открыл широко, а уходя, именно прикрыл. Бережно и неторопливо, словно боялся лишним шумом спугнуть неожиданные мысли, которые совсем не случайно нахлынули на Остудина. Он встал, прошел к двери, выглянул в коридор. Бурильщика там уже не было. Остудин закрыл дверь и подошел к окну. Холодный ветер срывал с деревьев последние листья и гнал их по тротуару. Они липли к мокрому асфальту, залетали под колеса пронесившихся мимо машин и летели дальше. Остудину почему-то подумалось, что в Сибири сейчас лежит ослепительный мягкий снег и вездеходы режут его тяжелыми гусеницами, пробиваясь через тайгу к буровым. Ему вдруг жутко захотелось в Сибирь, но внутренний голос осадил, злорадно шепнув: «Евстигнееву хорошо, он – холостяк. А у тебя жена, дочка... Надо бы поговорить с Ниной. Но вдруг она воспротивится, и тогда на мечте придется поставить крест. А может, не советоваться с ней, а послать письмо, подождать ответ? Придет конкретное предложение, тогда и поговорить с женой?..»

С этими мыслями Остудин ходил несколько дней. А потом сел и написал письмо в объединение «Сибнефтегазразведка». В нем сообщил свои биографические данные, занимаемую должность и попросил ответить, нужны ли такие специалисты, как он, в геологии. Месяц шел за месяцем, ответа не было. Остудин решил, что подходящего ему места нет, а предлагать должность бурового мастера там постеснялись. Однако через полгода из Сибири пришла телеграмма за подписью начальника объединения Батурина. В ней было всего восемь слов. «Можем предложить должность начальника нефтеразведочной экспедиции. Согласие телеграфируйте».

Остудин нашел телеграмму в почтовом ящике, возвращаясь с работы. Нины еще не было дома. Вместе с дочкой Ольгой, которую она сама брала из детского сада, они, очевидно, зашли в магазин за продуктами. Остудин перечитал телеграмму несколько раз, повертел в руке, осмотрел с обратной стороны, словно старался найти в ней скрытый смысл. Он не поднялся со стула даже тогда, когда услышал, как Нина пытается открыть ключом дверь. Войдя в квартиру, она сразу заметила, что с мужем что-то случилось.

– Что с тобой? – спросила она, протягивая ему сумку с продуктами.

Вместо ответа Остудин показал ей телеграмму.

– Ты что, писал им? – быстро пробежав глазами текст, она с удивлением посмотрела на мужа.

– Писал полгода назад. Я уже забыл об этом, а они вот прислали телеграмму. – Остудин виновато развел руки.

– Раздень меня, – сказала Нина.

Он помог ей снять пальто, повесил его в шкаф. Она взяла сумку, отнесла ее на кухню. Пока Остудин помогал дочке раздеться, Нина собрала на стол.

– Ну и что же ты думаешь делать? – спросила она, когда они сели ужинать.

– Не знаю, – ответил Остудин и посмотрел на жену, стараясь определить ее реакцию. – Неожиданно как-то. Я не предполагал, что дело обернется так серьезно.

Он знал, что Нина была домоседкой. Ей нравилась их квартира, нравился поселок, в котором они жили, в школе среди учителей у нее было много подруг. Роман Иванович смотрел на жену, сидевшую перед ним за столом в новой кофточке, на ее модную прическу, сделанную вчера у знакомой парикмахерши, и думал, что она никогда не расстанется ни с уютом, ни с подругами, ни с маленькими, но надежными связями, помогающими жить не хуже других. Зачем ей Сибирь с ее снегами, завывающими метелями, с домом, в котором может быть и холодно, и не всегда светить электричество?

Нина отодвинула тарелку, положила ложку на стол и подняла на него глаза. «Ну вот и все», – решил Остудин и нагнулся к своей тарелке. Он начал лихорадочно соображать, чем соблазнить Нину в Сибири. Теперь он уже был твердо уверен в том, что поедет в «Сибнефтегазразведку» при любых обстоятельствах, что ни за что не упустит такой шанс, но не хотел, чтобы его отъезд осложнял семейные отношения.

– А знаешь, Роман, – сказала Нина с особенной интонацией в голосе, которую он у нее еще никогда не слышал, – по-моему, предложение лестно. Стать начальником экспедиции в тридцать два года весьма престижно. Может, махнем в Сибирь, а?

Он молча взял в руку ее узкую, еще не успевшую отогреться с улицы ладонь, поднес к губам и поцеловал. И увидел счастливый, почти детский восторг в ее глазах.

Утром Остудин телеграфировал Батурину свое согласие. Сообщил, что увольняется с сегодняшнего же дня, но просил дать на завершение всех формальностей две недели. Думал, что при увольнении у него могут возникнуть осложнения. Он хоть и небольшой, но начальник, ему надо подыскивать замену, согласовывать ее с кем надо, что-то там утрясать... А если вмешается партком, дело затянется совсем надолго. Сразу же спросят, почему ни с кем не посоветовался, никого не предупредил... Но, к его удивлению, кое-кто даже обрадовался тому, что он уходит. Желающих занять его должность оказалось более чем достаточно.

Честно говоря, такой оборот дела даже немного обидел Остудина. Его постоянно хвалили на собраниях и прочих производственных обсуждениях, а когда дошло до проверки истинного к нему, Остудину, отношения, расстались без тяжелого вздоха. Впрочем, так бывает почти всегда. «Что ж, – подумал Роман Иванович, – была без радости любовь, разлука будет без печали».

Нищему собраться – только подпоясаться. Сложила Нина в средней величины чемодан необходимые на первое время пожитки, окликнула мужа:

– Слушай, отец, разные там плошки-поварешки, думаю, не нужны? Все-таки не рядовым работником едешь, наверное, к твоему приему подготовятся. Твой предшественник был же как-то устроен.

– Да ты что? – удивился Остудин. – Неужели мы там этого добра не купим? – Он посмотрел на кастрюли и добавил: – Тащиться с таким бараклом на Север – люди засмеют.

– Кто его знает? – оглядывая кухню, сказала Нина. – Поезда на Север не ходят. Может быть, там люди охотничьими котелками обходятся?

Остудин искренне рассмеялся. Он подошел к жене, обнял ее за плечо, поцеловал в голову:

– Геологи – люди не бедные, на эмалированную кастрюлю наверняка раскошелятся. Ты мне лучше чистых рубашек побольше положи. Там их ни стирать, ни гладить некому.

Нина подняла на него глаза, сказала, искренне вздохнув:

– Боюсь я этих прачек. Сначала погладят рубашку, а потом и самого хозяина. Вы, мужики, на ласку безотказные.

– Не говори глупостей, – сказал Остудин, снова поцеловав ее. – Таежники женам не изменяют. Это жены с ума сходят, пока мужики лазают по тайге.

Он посмотрел на часы. До отлета было далеко, но надо было все проверить, чтобы не забыть ни одной мелочи...

Самолет в Среднесибирск улетал рано утром. Остудин не спал почти всю ночь, рисуя в своем воображении первую встречу с Батуриным и Сибирью. И если Сибирь он представлял довольно отчетливо, то вот каким выглядит Батурин, не мог даже предположить. Впрочем, внешность начальника для него не имела значения. Главным был его характер и отношение к людям. А поскольку характер человека проявляется в конкретных ситуациях, то и это никак не рисовалось Остудину. Так и проворочался в постели до самого утра. Зато когда сел в самолет и устроился в удобном кресле, сразу же провалился в глубокий сон.

Открыл глаза от толчка – самолет выпускал шасси, заходя на посадку. Ступив на трап, Остудин поежился и огляделся. Было холодно, сухой колючий ветерок сразу заставил застегнуть пальто на все пуговицы и поплотнее прикрыть грудь шарфом. Сибирская погода резко отличалась от поволжской.

Шагая от самолета к аэровокзалу, Роман Иванович невзначай замедлил шаг: почудилось, что услышал свою фамилию. Он остановился, прислушиваясь. Над аэродромом звучно гремел динамик. Передавали объявления о посадке на очередной рейс и о контроле вещей, подлежащих досмотру. И вдруг вслед за этим раздалось: «Прибывший рейсом 218 товарищ Остудин, на выходе из аэровокзала вас ждет “Волга» номер...» – И снова: – «Прибывший рейсом 218 товарищ Остудин...»

Когда самолет снижался, Остудин смотрел в иллюминатор на паутину городских улиц и думал: «Где-то здесь моя Ленина, шестьдесят восемь?» Сверху город гляделся лабиринтом, в котором и с нитью Ариадны не разобраться. Одним боком он жался к реке и был покрыт сизоватой дымкой, отчего казался погруженным в полумглу. Слегка улынувшись, Остудин вспомнил школьное: «А зачем дворянину география? На то извозчик есть». Интересно, долго ли придется ждать такси? Как здесь с транспортом? – все время вертелось в голове. И вот тебе – пожалуйста, персональная машина... Неплохо живут геологи.

Шофер долго и внимательно разглядывал его, кивнув на чемоданчик, спросил про вещи. А когда узнал, что все свои вещи новый начальник экспедиции держит в руках, широко улыбнулся. По дороге в объединение он без умолку расхваливал здешние кедровники и грибные места, из чего Остудин понял, что лучшей земли, чем Сибирь, нет на свете. Еще больше расстрогался, когда батуринская секретарша, встав из-за стола, сказала:

– Проходите, Роман Иванович, Захар Федорович вас ждет.

Она сама открыла первую дверь кабинета и, пропустив Остудина, осторожно притворила ее.

В кабинетах начальников областного значения Остудину приходилось бывать нечасто. В них ходили те, кто по служебному положению стоял над ним. Зато по телевизору и в кино он видел таких кабинетов множество. Одинаковые до мелочей, более приспособленные для совещаний, чем для сосредоточенной работы, служебные монстры. Огромный двухтумбовый стол, вплотную к нему буквой «Т» стол узкий, длинный, блестящий, как полированный паркет. Тесно приткнутые к нему прямоспинные стулья. Справа, как войдешь, обычно размещается книжный шкаф, где в подчеркнутой строгости стоят труды нынешних вождей. Сочинения прошлых, как и их авторы, по сложившейся традиции в перечень обязательной литературы не входят. В семье Остудиных эти шкафы шутливо окрестили «интеллектуальными яслями». Сидит ответственный работник, руководит. Истошится у него умственная торбочка, подойдет к шкафу, полистает бессмертные сочинения, подсыплет в торбочку идейного овсеца и снова станет поражать слушателей заемными, истертыми истинами. Они уже надоели всем, в том числе и тем, кто их изрекает. Затертые истины превращаются в догму, а догма отупляет ум человека. По этой причине Остудин не любил ни общие слова, ни политзанятия, от которых сводило скукой рот. И больше всего не хотел, чтобы его новый начальник походил на идеологического вождя.

В кабинете Батурина был всего один стол. Двухтумбовый, средней величины, завален бумагами, свободна лишь середина, застеленная органическим стеклом. По периметру кабинета – обитые зеленым сукном полумягкие стулья и, конечно же, книжный шкаф. Но не у дальней стены, а поблизости от стола: протяни руку – и все в твоей досягаемости.

Батурин вышел из-за стола, двинулся навстречу Остудину, оглядывая его с ног до головы. Крепко пожал руку и, взяв под локоть, подвел к креслу. Он оказался чуть выше среднего роста, сухощавым и жилистым. Его кустистые, похожие на два пучка брови придавали лицу задиристость. Когда он свел их к переносице, уставившись на Остудина, тому показалось, что они впились ему в лицо. И Роману Ивановичу почему-то подумалось, что Батурин человек сухой и строгий, на откровенный разговор с ним отважится не каждый.

Усаживаясь в предложенное кресло, Остудин уперся взглядом в книжные корешки. Никаких трудов вождей. Избранное Губкина, «Сибирские горизонты» первооткрывателя сибирской нефти Эрвье, книги по геологии. Лишь одна выбивалась из этого ряда, и то только тем, что была в богатой зеленой суперобложке. Остудин прочел на ее корешке: «Страны Персидского залива».

Одна полка была полностью свободна от книг. На ней стояли колбы с темной жидкостью и белыми наклейками на пузатеньких боках. Остудин понял, что это образцы нефти с местных месторождений. Заметив его интерес, Батурин улыбнулся:

– Вот когда привезешь такую колбу, – он кивнул в сторону шкафа, – будем пить с тобой за этим столом шампанское.

– За ним не только пьют шампанское, – ответил Остудин, думая о том, что и с работы начальников экспедиций снимают тоже за этим столом.

Батурин понял его, опустил глаза, отодвинул в сторону лежавшую на столе бумажку и сказал:

– О себе можешь не рассказывать, отдел кадров у меня честно отрабатывает свой хлеб. Скажи лучше, как жена восприняла твоё решение?

– По-моему, с удовольствием, – сказал Остудин. – Она из тех, кому надоедает однообразие.

– Романтики захотелось? – Батурин настороженно поднял на Остудина внимательные колючие глаза.

– Скорее всего, свежих впечатлений. Возраст-то ведь уже такой, что пора заняться чем-то серьезным.

– А кто она у тебя? – спросил Батулин.

– Учительница английского.

– И чем же серьезным ей захотелось заняться? – Батулин смотрел на Остудина уже подозрительно.

– Моя жена все время при своем муже, – ответил Остудин. – Работа начальника нефте-разведочной экспедиции мне кажется достаточно серьезной.

Батулин откинулся на спинку стула, потом повернулся к стене, на которой висела геологическая карта области, кивнув на нее, сказал:

– Тогда перейдем к делу. Не буду рассказывать, где и что мы ищем. В основных чертах ты это знаешь и без меня, с деталями познакомишься на месте. Таежная экспедиция еще недавно была у нас лучшей. А сейчас попала в полосу невезения. Знаешь, как у человека: сначала черная полоса в жизни, потом белая. А здесь сначала черная, потом еще чернее. Ни одной скважины не могут пробурить без брака. Там нужен хороший буровик. Потому и остановили на тебе свой выбор.

– И геологическая служба тоже, – добавил Остудин.

Взгляд Батурина немного смягчился. Он повернул лицо к карте, слегка прищурившись, посмотрел в ее верхний угол и заметил:

– Главным геологом там отличный парень. Правда, не без романтических заскоков. Если подружитесь, вытяните экспедицию.

Остудину хотелось спросить, что он подразумевает под романтическими заскоками, но, подумав, не стал задавать этого вопроса. Решил, что не стоит начинать с выяснения недостатков своих подчиненных. Пока хватит и того, что главный геолог отличный парень. Геологов без романтики не бывает.

Но одного вопроса не задать он не мог. Он влез ему в голову еще в ту минуту, когда получил от Батурина телеграмму. И не давал покоя до сих пор. От него зависели все дальнейшие действия. Бросив взгляд на полку с колбами, Остудин перевел глаза на Батурина и спросил:

– Скажите, за что убрали прежнего начальника экспедиции?

– Не убрали, ушел сам, – поправил его Батулин.

На лице Остудина появилось такое недоумение, что Батулин тут же пояснил:

– Ты же сопромат изучал. Знаешь, что и у металла наступает усталость. Так и здесь. Отработал человек свой срок и решил, что пора переходить к размеренной жизни. Вовремя ложиться спать, вовремя вставать, вовремя пить кофе. Барсов прекрасный специалист. Работая в экспедиции, защитил кандидатскую диссертацию, сейчас, по-моему, написал докторскую. Ты, случайно, не увлекаешься научной работой?

Остудин засмеялся:

– Меня после института хотели на кафедре оставить. Я наотрез отказался. Кабинетная жизнь не для меня.

– Пока, – сказал Батулин.

– Что значит – пока? – не понял Остудин.

– Пока здоровье немереное и вся жизнь впереди. – Батулин снова внимательно посмотрел на него и спросил: – С партийной властью у тебя осложнений не было?

– Какие у меня могли быть осложнения? – удивился Остудин. – Я в райкоме-то бывал, только когда принимали в партию, да на праздничных мероприятиях.

Батулин опустил глаза, и Остудину показалось, что вопрос этот начальник объединения задал не зря. По всей видимости, у Барсова были какие-то проблемы с партийной властью. Иначе зачем спрашивать о них его, Остудина? «А может, он хочет поподробнее прощупать

меня, – подумал Остудин. – Я бы на его месте поступил так же». Но Батурин прощупывать не стал.

– Хорошие отношения с партийной властью для начальника экспедиции имеют большое значение, – сказал он. – Райкомовские работники тоже ведь хлеб не зря едят. Важно понять это с самого начала и не ставить их в неудобное положение. Они этого не любят. А уж когда невзлюбят...

Батурин не договорил, но Остудин и так понял, что будет тогда. Однажды у них в конторе бурения уже было такое. Секретарю райкома потребовался вертолет, чтобы слетать на другую сторону Волги, а главный инженер его не дал. То ли не было, то ли вертолет требовалось послать по какому-то срочному делу. Секретарь райкома кинулся к начальнику, но того не оказалось на месте. В общем, на другую сторону Волги он в тот день не попал. Через неделю в контору бурения приехала комиссия с проверкой работы инженерной службы. Целую неделю разбиралась с состоянием оборудования и техникой безопасности. И даже с наглядной агитацией, хотя инженерная служба не имеет к ней никакого отношения. Короче, кончилось тем, что главному инженеру на бюро райкома объявили выговор. Над ним потом смеялись: дал бы вертолет, получил бы вместо выговора благодарность.

– А что за человек там первым секретарем? – спросил Остудин.

– Казаркин, – ответил Батурин и нахмурился. – Николай Афанасьевич Казаркин. Лет пять уже секретарит. До этого работал инструктором обкома партии.

– К геологии имеет какое-нибудь отношение?

– Нет. – Батурин потрогал пальцами взлохмаченную левую бровь. – По-моему у него педагогическое образование. Но мужик он крутой. Если захочет в чем-то разобраться, разбирается досконально. Так что готовься. Чаше позванивай ему, советуйся. И, главное, не задирайся. Особенно сначала. – И уже без всякого перехода спросил: – Что же жена вместе с тобой не поехала?

– Она ведет выпускной класс, ее до конца года с места не сорвешь, – сказал Остудин. – Кстати, в Таежном место для англичанки найдется?

– Вот этого я тебе не скажу. – Батурин постучал по столу пальцами. – Но то, что она без работы не останется, могу гарантировать. – Он подвинул к себе листок бумаги, который отложил в сторону, когда начиналась беседа. – Если возникнут какие-нибудь проблемы, сразу же звони мне. У нас так заведено: обо всех неприятностях первым должен узнавать я.

Остудин понял, что разговор окончен. Он поднялся, Батурин тоже встал. Они попрощались, как давние знакомые. Батурин даже ненадолго задержал его ладонь в своей руке. И еще раз посмотрел в его лицо с чуть широковатым подбородком, на котором выделялась небольшая ямочка, и высоким и широким лбом. Словно хотел проверить, не ошибся ли, приглашая на столь высокую должность совершенно незнакомого человека.

Остудин вышел из кабинета. С секретаршей, стоя у стола, разговаривала девушка. Он не видел ее лица, она стояла к нему спиной.

– Заходите, Танечка, – сказала ей секретарша, показывая рукой на кабинет Батурина. – Захар Федорович еще с утра предупредил о вас.

Девушка повернулась и, не глядя на Остудина, пошла к двери кабинета начальника. У нее было красивое, тонкое, интеллигентное лицо и стройная фигура.

– Кто это? – невольно спросил Остудин, провожая ее взглядом. Он подумал, что это работница объединения, может, даже геолог.

– Журналистка, – ответила секретарша. – Татьяна Ростовцева. Кстати сказать, из андреевской газеты. Вы ее знаете?

– Нет, мне просто показалось, – сказал Остудин и подумал, что Сибирь, по всей вероятности, славится не только нефтью, кедровниками и грибными местами, но и красивыми женщинами.

Таня

История эта произошла три года назад. Таня лежала на своей общежитской койке, подперев голову ладонями, и читала книгу. Книга была неинтересная, она взяла ее у подруги, чтобы убить время. Верки не было, она ушла за покупками. Завтра они должны были ехать на преддипломную практику. Верка в Курган, Таня в Среднесибирск. Обоим предстояло практиковаться в областных газетах. Путь в Курган лежал через родное Веркино село Киприно. В нем она хотела на денек задержаться и поэтому вчера долго обсуждала с Татьяной, какой подарок купить матери. Татьяна посоветовала шерстяной плед. Уж слишком красиво он смотрелся, и цена была вполне терпимая. Верка засомневалась: все-таки дороговато.

– Чего там, – возразила Татьяна, показывая на плед. – Ты только потрогай его. Он же мягкий, как котенок. – Татьяна погладила плед ладонью и подняла глаза на подругу. – Твоей командировочной сотни на практику все равно не хватит. В редакции наберешь побольше заданий. Проси в основном очерки, за них хорошо платят. Вывернешься.

Верка, не отрывая взгляда от пледа, нерешительно сказала:

– Ты думаешь, там нет очеркистов?

– Ну и что? Они сами по себе, ты – сама по себе.

Татьяна была искренне уверена, что если ехать на практику, то сразу надо выдать такой материал, чтобы о тебе все заговорили. Лучшим жанром в этом случае, конечно, является очерк. Хотя и статья, и фельетон тоже будет неплохо. К тому же эти жанры оплачиваются приличными гонорарами. Верка, подумав, согласилась. Сегодня пошла в универмаг. Как всегда, там было не пробиться, к каждой кассе стояла большая очередь. Кошелек Верка положила в левый карман жакета. Когда подошла к кассе, сунула руку в карман, но вместо кошелька нащупала лишь носовой платок. У нее екнуло сердце, и она со страхом начала шарить руками по карманам. Но кошелька не было ни в одном из них. Еще не веря в худшее, Верка прошла вдоль очереди, внимательно глядя на пол. Повторно прошла туда-обратно. Кошелька не было. Она отошла в сторонку и снова ощупала карманы. Вконец растерявшись, спросила у нескольких человек, не поднимали ли они небольшой коричневый кошелек: «Потертый такой, на молнии. У молнии вместо ушка канцелярская скрепка». Никто, конечно, кошелька не то что не поднимал, но и не видел.

Поняв, что случилось, Верка в ужасе кинулась в общежитие. Толкнув плечом дверь, она как слепая прошла через комнату, и рухнула на кровать. Ее разрывали рыдания. Плечи ее тряслись, она размазывала слезы ладонью и, захлебываясь ими, не могла вымолвить ни слова. Таня бросилась к ней, пытаясь узнать, что случилось, но та только отмахивалась. Наконец, шмыгнув носом и в очередной раз утерев слезы, произнесла:

– Все. Теперь надо уходить из университета. Где взять деньги? У матери пенсия сорок рублей...

Таня поняла, что она потеряла командировочные. И тут же стала лихорадочно соображать, как выручить подругу.

Татьянин отец был полковником, мать – учительницей. Получали они прилично, и деньги для нее особой проблемы не представляли. Поэтому она обозвала Верку дурочкой (так и сказала: не будь психованной дурочкой) и предложила:

– Возьмешь мои командировочные. Я смогу обойтись без них.

Верка перестала плакать, села на кровати и, не мигая, долго смотрела на Таню. Потом обняла ее за шею, поцеловала мокрыми губами в щеку и снова заголосила с такой силой, словно это был последний день ее жизни. Таня отдала ей деньги, а самой пришлось заезжать к родителям. Крюк был немалый – четыреста километров. И поэтому на свою практику она опоздала на два дня. Она была уверена, что просто так ей этого в «Приобской правде» не оставят.

Но пугало не это. Больше всего не хотелось с первого шага зарекомендовать себя человеком необязательным.

Весь путь от вокзала до редакции Татьяна думала, какую причину привести в свое оправдание. И ни одна не казалась ей правдоподобной. Причем самой нелепой выглядела та, что была правдой. Поразмышляв об этом, она все же решила не врать. А там будь что будет. Правду надо выдержать, за нее не может быть стыдно.

И уж никак она не ожидала, что на ее опоздание никто не обратит внимания. Словно она была не из университета и ее вообще никто не посылал на практику.

По крайней мере, такое впечатление у нее осталось от встречи с секретаршей редактора. Когда она назвала свою фамилию и попросила сказать редактору, что она, Ростовцева, приехала, секретарша, даже не удостоив ее взглядом, равнодушно спросила:

– А вы по какому вопросу?

Татьяна повторила:

– Я – Ростовцева.

Секретарша пожала плечами, и по недоумевающему взгляду Татьяна поняла, что ее фамилия этой «фифочке» ничего не говорит. Тогда она назвала себя полностью:

– Ростовцева Татьяна, из Уральского государственного университета (на слове «университет» она сделала особое ударение), приехала в «Приобскую правду» на практику. С Александром Николаевичем я говорила по телефону еще перед выездом из Свердловска.

Неизвестно, то ли секретарша на самом деле что-то вспомнила, то ли сделала вид, что в курсе дела, но уже по-другому посмотрела на Таню и сказала:

– Да, да, я вас соединяла.

Таня смутилась и хотела объяснить причину задержки, но секретарша торопливо нырнула за дверь, обитую черным дерматином, и через несколько мгновений показалась обратно:

– Александр Николаевич вас ждет.

Она переступила порог, оставив дверь открытой. Татьяна вошла. Не очень просторный кабинет выглядел уютно и как-то очень обжито. На улице стоял яркий ноябрьский день. Солнце заливало комнату светом через широкие, хорошо промытые стекла. За столом, обложенным папками, отдельными бумагами и бумажками сидел крупный мужчина лет пятидесяти с немного продолговатым лицом и гладко зачесанными назад волосами. Увидев Таню, он улыбнулся такой широкой улыбкой, словно давно и с нетерпением ждал ее. Таня шагнула к его столу, но в это время задребезжал телефонный аппарат. Александр Николаевич взял правой рукой трубку, а левой указал на одно из двух кресел, стоявших перед столом, приглашая Татьяну садиться.

Татьяна, мучившаяся опозданием, думала, что как только закончится телефонный разговор, Александр Николаевич сразу же спросит ее, почему задержалась. Но вместо этого он, все так же улыбаясь, добродушно продекламировал:

– Итак, она звалась Татьяной... – И, положив на стол длинные руки, сказал: – Ну что, с приездом. Как добралась, где устроилась?

Татьяна, считавшая себя уже сложившимся журналистом, посмотрела на редактора, не зная, как себя вести с ним. Его обращение к ней как к девочке-школьнице не понравилось ей. Тем не менее она тоже улыбнулась и ответила:

– Добралась нормально. А об устройстве еще не думала. С вокзала прямо к вам. – Она задвинула ногой под стол сумку, с которой вошла в кабинет редактора. Теперь поняла, что ее надо было оставить в приемной у секретарши.

– Как тебе Среднесибирск? – спросил редактор.

– Я его не рассмотрела, – откровенно призналась Таня. – Я ведь ехала не в город, а в газету на практику.

Снова зазвонил телефон. Александр Николаевич минуту-другую слушал, потом сказал раздраженно:

– А это позвольте решать нам. – И решительным тоном добавил: – Да, да, печатать материал или не печатать, мы решим самостоятельно. – Положил трубку и, видимо, не в силах сдержать раздражение, сказал не Татьяне, а себе под нос: – Дожили, еще начальник облторга не указывал газете, что ей печатать, а что нет. – И тут же обратился к Татьяне, но уже почему-то на «вы»: – Вы уже думали над тем, как бы вам хотелось построить свою практику?

Татьяна, конечно, думала об этом. Для нее было все равно, в каком отделе практиковаться, главное, чтобы удалось написать несколько значительных материалов. Поэтому ответила, помедлив:

– Я бы хотела поработать в отделе культуры. Хочется познакомиться со здешней театральной жизнью. В прошлом году на практике в Оренбурге я написала несколько рецензий. На летучках говорили, что получилось неплохо.

Сказав это, Татьяна посмотрела на редактора. Его лицо не выразило никаких эмоций, но в глазах, как ей показалось, мелькнули хитрые огоньки.

– Рецензии – это хорошо. – Он с опаской посмотрел на телефон, явно не желая, чтобы тот зазвонил снова. – Но если сказать честно, мне не хочется, чтобы вы начинали с нашего театра. В этом году у нас новый режиссер. Первый спектакль его оказался просто провальным. Боюсь, что и второй будет таким же. Думаю, не следует разбивать кулаки о лежащего, у него ведь впереди целая жизнь. – Он вдруг резко оживился и спросил: – А не хотели бы вы слетать на Север? Посмотреть на геологов, на то, как живут там люди?

Татьяна, не ожидавшая такого предложения, растерялась и медленно произнесла:

– Вообще-то о производственной теме я не думала.

– А зачем вам производство? Для газетчика главное – люди. Вы о них пишете. Через них читатель увидит и производство.

Татьяна растерялась совсем. Лететь к геологам, да еще на Север у нее не было и в мыслях. Она и не думала, что геологи живут на Севере. Там сейчас, наверное, уже морозы, а у нее даже теплых колготок нет. С другой стороны, кто из ее сокурсников может привезти с практики материал о геологах Севера? Да никто! Они же умрут от зависти, когда Татьяна покажет им полноценный северный очерк.

– Ну так что? – Редактор изучающе смотрел на нее.

Татьяна, всегда любившая повторять, что риск – благородное дело, при этом старавшаяся никогда не рисковать без особых причин, махнула рукой и решительно произнесла:

– Где наша не пропадала! – и внимательно посмотрела на редактора.

Александр Николаевич понял, что с этого момента сам назначил себя ее опекуном. Татьяна была стройненькой девушкой с очень приятным личиком и выразительными серыми глазами. К тому же она была не чужда юмора, а это верный признак острого ума. Глядя на нее, редактор подумал, что из-за такого личика и длинных стройных ног многие могут сойти с ума. В том числе и редакционные ловеласы. Свеженькая всем бросается в глаза. Поэтому он решил непосредственное шефство над ней возложить на серьезного человека.

– Вы, поди, еще и не завтракали? – спросил редактор.

– Нет, – мотнула головой Татьяна.

Александр Николаевич нажал на кнопку селектора, негромко сказал:

– Люся, пригласите ко мне Семена Петровича. – И обратился к Тане: – Сейчас я познакомлю вас с нашим завхозом. Он покажет буфет, кстати, весьма приличный, и устроит в гостиницу. С гостиницами, говоря на бытовом жаргоне, у нас напряженка. Сегодня отдыхайте, а завтра к девяти утра будьте любезны ко мне. Будете жить в режиме штатного сотрудника. Ни дня без строчки.

Он подвинул к себе стопку машинописных страниц и потянулся за ручкой. Татьяна поняла, что аудиенция закончилась. В кабинет вошел пожилой, сухощавый мужчина, слегка припадающий на левую ногу. Редактор поднял на него глаза, сухо сказал:

– Семен Петрович, это наша практикантка Татьяна Ростовцева. Накормите ее и устройте с жильем. – И снова склонился к своим бумагам.

На следующий день в девять утра Татьяна была в кабинете редактора. Там уже сидел мужчина средних лет, одетый в серый костюм и модный, в узкую полоску, галстук. Он внимательно смотрел на нее, пока она шла от двери кабинета к столу. Александр Николаевич показал ей рукой на стул напротив мужчины. Татьяна села.

– Николай Макарович Гудзенко, заведующий промышленным отделом, – представил редактор незнакомого человека Тане. – Лучше его никто в нашей газете Север не знает. Во время практики он будет вашим наставником. Слово это мне не нравится, но опекун, по-моему, еще хуже. – Редактор посмотрел на Таню.

Ей было все равно – опекун или наставник. От перемены названий ничто в ее судьбе не менялось. Она уже настроила себя на поездку на Север. Завтракая в гостиничном буфете, Таня встретила двух летчиков. Она взяла себе бутерброд с сыром и стакан чая, а они по мясному салату, бифштексу с гарниром, стакану сметаны, пирожному и чашке кофе. Таня с удивлением смотрела, как они молча уминали гору еды, и думала: неужели это оттого, что они летчики? И тут же согласилась с этим: для того, чтобы летать, нужно отменное здоровье. А выходя из гостиницы, снова столкнулась с ними. Они садились в машину, очевидно отправляясь на аэродром, потому что были уже в теплых меховых куртках и красивых то ли ондатровых, то ли норковых шапках. Таня подумала, что все летчики ходят в такой форме. И ей сразу захотелось на Север. Она даже удивилась, что еще вчера сомневалась: стоит ли лететь туда? Обязательно стоит.

Сейчас она смотрела на Гудзенко и думала, что вместе с редактором они предложат ей несколько маршрутов командировки. Обсудят, какой интереснее, и скажут: лети. Но редактор ошеломил ее неожиданной фразой.

– Вы никогда не работали в районной газете? – спросил он.

– В районке, что ли? – не поняла Таня.

– Ну да, в районке. – Он слегка улыбнулся, произнося это слово.

– А зачем? – искренне удивилась она. – У меня этого никогда в мыслях не было.

– Районная газета – замечательная школа. Почти все известные журналисты начинали с нее.

– Вы что, хотите послать меня в районку? – На лице Тани появилась неподдельная обида. Александр Николаевич заметил это и сказал, чтобы успокоить практикантку:

– Вчера мне звонил редактор районной газеты «Северная звезда» Тутышкин, спрашивал нет ли у меня на примете безработного журналиста. Я сказал, что нет, но от нашей газеты к ним в командировку летит практикантка. Он Христом Богом стал просить, чтобы я уговорил вас поработать у него недельки две. Я думаю, вам бы это пошло на пользу. Крупные материалы будете посылать нам, а всю оперативку гнать в районную газету. Он, кстати, обещал взять вас на эти две недели на ставку и жилье бесплатное предоставить.

Таня сразу оценила выгоду ситуации. Чтобы написать хороший очерк, нужно подольше побыть с героями, вжиться в их образ. В «Северной звезде» материал можно собирать не торопясь, а тем временем работать и на нее. Тут ведь и деньги будут играть не последнюю роль. Родительских на всю практику не хватит, а гонорар выдают один раз в месяц. К тому же, чтобы получить его, надо успеть напечататься. А в областной газете журналистам всегда тесно. Она выпрямила спину, положила руки на стол и сказала:

– Я согласна.

Гудзенко откровенно улыбнулся, и это смутило Таню.

– Может, я все это не так поняла? – Она перевела растерянный взгляд с редактора на заведующего отделом.

– Все так, – сказал Гудзенко, не пряча улыбки. – Но сначала вам придется поработать у меня.

Он встал, Таня поняла, что надо подниматься и ей. На всякий случай она посмотрела на редактора. Тот уже уткнулся в свои бумаги. Александр Николаевич посчитал, что он сделал для практикантки даже больше, чем мог.

В отделе промышленности Тане пришлось задержаться на целую неделю. Всю неделю она читала материалы собкоров, которые они присылали в отдел, правила авторские заметки, знакомилась с людьми, однажды побывала на редакционной летучке. И когда Николай Макарович пригласил ее к себе, чтобы обсудить план будущей командировки, она поняла, что провела это время не зря.

– Ну что, подруга. – Николай Макарович ласково посмотрел на Татьяну, а при слове «подруга» у нее даже екнуло сердце. Если заведующий отделом обращается к ней так, значит, окончательно признает за своего сотрудника. – Пора тебе делать самостоятельную вылазку. В Андреевском районе, куда полетишь, всего два крупных предприятия – нефтеразведочная экспедиция и рыбозавод. Леспромхоз я не считаю, в нем пока нечего делать. Прилетишь в Андреевское, сразу иди к Тутышкину. Постарайся подружиться с местными газетчиками, полистай подшивку «Северной звезды». Может, зацепишься за что-то. Тебе ведь хочется написать очерк. Так?

Таня молча кивнула. Она только сейчас поняла, что пускается в далекое и непредсказуемое плавание. И никто не может сказать, удастся ли ей благополучно вернуться из него. Ведь одно дело иметь желание написать очерк и совсем другое – осуществить его. Хватит ли у нее способностей? Не переоценивает ли она себя? Все эти мысли шквалом пронесли в ее голове, пока она слушала Гудзенко.

– За основу очерка бери какое-нибудь событие, – продолжил Николай Макарович, все так же ласково глядя на нее. – Не стесняйся подробнее расспрашивать об этом событии людей. Как они к нему шли, что думали? В общем, собирай факты, осмысливай, составляй их воедино, чтобы отразить в них человеческую судьбу. Вернешься, поговорим об этом конкретно, выстроим в одну линию. Ты девочка умная, у тебя все получится. С богом.

Прожив на свете почти двадцать один год, Татьяна ни разу не летала на самолетах. На ее родном Урале люди в основном передвигаются на поездах и автобусах. А в те места, куда «только самолетом можно долететь», пути у нее не было. И вдруг сразу отправиться за восьмисот километров, куда, как сказал Николай Макарович, самолет Ан-2 летит почти пять часов.

Татьяна видела много раз в кино и по телевидению, как проходит посадка в самолет. Сначала диктор объявляет об этом по радио, потом девушка в красивой темно-синей форме ведет пассажиров, вытянувшихся длинной цепочкой, по летному полю к самолету. И они по трапу поднимаются в салон. Она думала, что точно так же будет и на этот раз. Но все оказалось настолько будничным, что даже расстроило ее.

К сбившимся в кучку пассажирам подошел невесть откуда взявшийся высокий парень в летной форме, спросил, все ли они до Андреевского, и, указывая на каждого пальцем, пересчитал вслух. При этом задержался на Татьяне взглядом дольше других. Она давно привыкла, что мужчины обращают на нее внимание, и не придавала этому значения. Пилот сказал, чтобы все шли за ним, и Таня направилась вслед за остальными.

Самолет, к которому они подошли, совсем не походил на красивый и могучий лайнер. Это был обычный кукурузник. Татьяна, съездившись, залезла в его железное брюхо и села на холодное металлическое сиденье, прижавшись спиной к такой же холодной стенке фюзеляжа. Пилот закрыл дверь и направился в кабину. И тут Таня заметила, что в левом кресле кабины уже сидит еще один пилот. Вскоре затарахтел мотор, и весь самолет затрясся мелкой дрожью.

Подпрыгивая на кочках по неровному полю, он выкатился на бетонную полосу, разбежался по ней и легко оторвался от земли. Таня повернулась к иллюминатору, чтобы запечатлеть в сознании набор высоты. Но ни восторга, ни ощущения невесомости в душе не появилось.

В самолете Ан-2 лететь на большое расстояние можно только по самой острой нужде. Таня поняла это уже через час. Сначала она с любопытством смотрела вниз на проплывающий под крылом пейзаж, но вскоре начала ощущать внутренний дискомфорт. Иногда ей казалось, что машина не парит в воздухе, а катится по огромным волнам, проваливаясь между ними. И тогда у нее возникало чувство, что кто-то большой и сильный подбрасывает ее, как, играя, подбрасывал в детстве отец, но не ловит, не дав испугаться, а заставляет падать до тех пор, пока она не ухватится за что-нибудь сама. В эти мгновения Таня сжимала края сиденья с такой силой, что у нее белели косточки на пальцах.

Сколько было таких провалов, она не помнит, но каждый следующий давался ей тяжелее предыдущего. Но еще больше ее донимал холод. Самолет был грузовым, и пассажирам, как десантникам, пришлось сидеть друг против друга вдоль фюзеляжа на откидных сиденьях. Холод шел от металлической стенки, проникал в тело, и у Тани возникало ощущение, что спина, руки, ноги становятся деревянными и она теряет способность двигаться. Вскоре она замерзла настолько, что ей стало все равно. В голове промелькнула мысль: «Вот сейчас умру, и никому в самолете до этого не будет никакого дела».

Додумать эту мысль помешал испугавший ее толчок. Люди, только что сидевшие в сосредоточенном молчании, вдруг разом заговорили, а самолет уже, чувствовалось, не летел, а катился по снегу. Провалы кончились, наступило расслабляющее облегчение.

С момента вылета прошло меньше трех часов. А говорили, что до Андреевского лететь больше четырех. Значит, где-то сели, не долетев до пункта назначения. Но Таня уже не думала об Андреевском. Она была счастлива от одной мысли, что сейчас ступит на землю. Счастьем хотелось с кем-то поделиться. Не молча, а вслух, чтобы насладиться нормальным человеческим голосом, который слышится, а не угадывается в изнурительном гудении пропеллера. Но заговорить ей не пришлось, потому что из кабины вышел командир корабля, невысокого роста, кругленький, в непомерно широких унтах, и самым заурядным голосом сообщил:

– В Андреевском метель, поэтому приземлились в Никольском. Будем ждать погоды.

После этого он открыл дверку, и в самолет ворвался свежий воздух. Все пассажиры поднялись и начали с шумом, подталкивая в спину друг друга, выходить наружу. Таня последовала за ними.

В деревянном здании аэропорта, куда она прошла вместе с пилотами, было полно народу. Увидев, что здесь негде сесть, Таня вышла на улицу. Над аэродромом светило солнце, и ей показалось невероятным, что где-то может бушевать метель.

Недалеко от аэропорта виднелось небольшое деревянное здание, к которому вел тротуар из обветшалых, кое-где проломившихся досок. На стене здания она увидела надпись «Столовая». Поправив на плече сумку, в которой лежали чистые блокноты, зубная щетка и паста, да пара свежих трусиков – все, с чем она поехала в командировку, Таня направилась по деревянному тротуару к столовой. Есть не хотелось, но, чтобы подавить неприятное чувство в желудке, оставшееся от полета, она решила выпить стакан горячего чая. К ее удивлению, чай оказался хорошим. Из маленького фарфорового чайника ей налили свежую крепкую заварку. Отхлебнув несколько глотков, она решила, что на всякий случай надо бы немного поесть. Кто знает, когда откроется Андреевское и сколько еще придется сидеть в этом аэропорту. Есть особо не хотелось, поэтому она взяла лишь небольшую пачку вафель.

Когда Таня вышла из столовой на улицу, погода заметно изменилась. По небу поползли низкие серые тучи, из-за аэродрома, со стороны тайги потянуло пронизывающим холодом. В воздухе появились крупинки снега. Поправив беретик и подняв воротник своего тоненького

демисезонного пальто, она повернулась спиной к ветру и чуть не налетела на второго пилота, шедшего из здания аэропорта.

– Поворачивайте назад, – сказал он, остановившись перед ней и тоже повернувшись спиной к ветру.

– А что такое? – с удивлением спросила Таня.

– Андреевское закрылось до завтрашнего утра.

– Как закрылось? – не поняла Таня.

– Погодные условия там такие, что самолет не сможет произвести посадку, – пояснил пилот.

– И что же нам теперь делать? – На лице Тани появилась искренняя растерянность.

– Устраиваться в гостиницу. – Пилот улыбнулся, его развеселил неподдельный испуг пассажирки.

– А как остальные? – произнесла Таня, представив себе битком набитое пассажирами здание аэропорта. Ведь закрылось не только Андреевское, но и все соседние с ним аэродромы. Поэтому большинство самолетов приземлились в Никольском. Значит, попасть в гостиницу будет невозможно. От одной мысли, что всю ночь придется простоять на ногах в аэропорту, Таня почувствовала, как по спине пробежал легкий холодок.

– Кто как сможет. – Пилот пожал плечами. – Мы отвечаем только за безопасную перевозку пассажиров.

– И вы, как и все остальные, проведете ночь на ногах? – спросила Таня, оглядывая пилота.

– Ну почему же? У нас для таких случаев всегда предусмотрена бронь. – Он посмотрел, как она ежится от холода, и добавил, улыбаясь: – Я могу помочь вам с гостиницей.

Таня впервые посмотрела ему в глаза. У пилота было открытое лицо, и смеялся он без ехидства, желая показать свое превосходство, а по-доброму, от избытка хорошего настроения. Ему было приятно стоять около этой красивой, не по сезону одетой девушки.

– Ну так что? – спросил пилот. – Будете стоять здесь, замерзнете.

– Пойдемте, все равно ничего лучшего не придумаешь, – ответила Таня, поднимая повыше воротник своего тоненького пальто.

Они вышли на чистую заснеженную улицу, по обе стороны которой стояли небольшие деревянные дома с высокими поленищами аккуратно сложенных у заборов дров. Укатанный снежок слегка скрипел под ногами, и Таня не могла понять, как всего за несколько часов из прекрасной поры последних дней бабьего лета она оказалась в настоящей зиме. Пилот все время поглядывал на нее, потом спросил:

– Как же вы решились в такой одежде лететь на Север? Замерзнете ведь.

– А мне не холодно, – сказала Таня, мотнув головой. – У меня под пальто теплая кофта. А потом, я сюда всего на неделю. Как-нибудь выдержу.

– В гости? – спросил он, снова оглядывая ее.

– Нет, в командировку. От газеты «Приобская правда». – Таня специально сделала ударение на последней фразе, чтобы дать понять, что он имеет дело с человеком, занимающим не меньшее положение, чем пилот северной авиации. – Между прочим, меня зовут Татьяна... А вас?

– Андрей.

Татьяне показалось, что Андрей даже посмотрел на нее иначе. То ли с удивлением, то ли с уважением, сказать она не могла. Но, во всяком случае, не с той легкостью, с какой смотрел раньше. И потому, придавая себе еще больший вес, небрежно сказала:

– Задание дали – написать очерк. Можно и фельетон. У вас там есть субъекты, достойные внимания? – Она улыбнулась, глядя на Андрея. Этот парень ей чем-то нравился. Она не могла сказать, чем именно, но ей доставляло удовольствие смотреть на него.

– Субъекты есть всюду, – ответил Андрей, замедлив шаг. – И тут же спросил: – Как ваша фамилия?

– Ростовцева.

Он помолчал несколько мгновений, потом сказал:

– По-моему, в «Приобской правде» я такой не встречал.

– А я там еще не печаталась. Я только неделю как из Свердловска, – сказала Таня. – Это моя первая командировка.

– Решили поменять Свердловск на Среднесибирск? – спросил Андрей, и Таня заметила, что его взгляд еще больше потеплел.

– Никогда не было такого желания, – ответила Таня. – Я сюда на преддипломную практику. Заканчиваю факультет журналистики Уральского университета.

– А почему вы выбрали такую профессию? Вам нравится работать в газете?

– А вы не любите газетчиков? – спросила Таня.

– Вранья в газетах много. – Андрей натянуто улыбнулся, чтобы не обидеть собеседницу. – Пишут об одном, а в жизни все другое.

– Я вранья не пишу, – решительно сказала Таня. – Вранье мне претит. Я пишу только правду.

– Так уж и правду? – засмеялся Андрей, и по его тону она поняла, что он неслучайно настроен против газет.

– А вы в это не верите? – Таня тоже улыбнулась.

– Вы действительно пишете только правду? – удивился он.

– Правду. Только правду, и ничего, кроме правды...

Оба рассмеялись, и после этой шутки Таня почувствовала, что контакт с Андреем налажен окончательно. Поэтому она спросила:

– Вы давно летаете?

– Четыре года. Но в Андреевское перебрался прошлой зимой.

– Это что? Повышение по службе или наказание? – В Тане говорил уже не столько профессиональный журналистский интерес, сколько женское любопытство.

– Сюда, скажу я вам, попасть не так-то просто, – с оттенком обиды сказал Андрей. – Сейчас на Север стремится каждый.

– Почему? – спросила Таня. Ей казалось, что жизнь на Севере нечто вроде ссылки.

– Во-первых, деньги неплохие, – ответил Андрей. – Пять лет прожил, и получаешь двойную зарплату. А во-вторых, здесь интересно. Природа красивая. Такой уже мало где осталось. Я охоту люблю. В Андреевском охота прекрасная.

– Ну, допустим, мужчины свободное время проводят на охоте, а женщины чем занимаются? – сделала невинные глазки Таня.

– Женщины? – Андрей на мгновение задумался, потом сказал, рассмеявшись: – А здесь женщин нет, здесь – специалисты. – Еще помолчал, скорее всего, перебирая в памяти знакомых, и сказал уже утвердительно: – Точно. Женщин нет. Бухгалтеры, экономисты, продавцы, учителя, все при деле. Так что на улице днем редко женщину встретишь. – Предупреждая Татьянин вопрос, который мог и не последовать, произнес с притворным вздохом: – Если придется жениться, не знаю, какую специалистку выбирать.

Таня поняла, что последнюю фразу он произнес специально для нее. Красавцу показалось, что он очаровал ее, и теперь закидывает крючок в надежде на то, что она клюнет. Клевать Таня не собиралась, поэтому, опустив голову, молча пошла дальше. Пилот, еще минуту назад казавшийся ей симпатичным, сразу стал неинтересным.

– Вы что-то замолчали? – спросил он, по всей вероятности, поняв причину перемены в настроении попутчицы.

– Вы когда-нибудь читали поэта Николая Рубцова? – спросила Таня.

– Нет, а что? – Андрей уставился на нее, ожидая услышать что-то необычное.

– У Рубцова есть такие строчки: «Филя, что молчаливый? А об чем говорить?»

– Ну, так уж и не о чем? – искренне обиделся Андрей. – Я же не имел в виду вас, когда говорил о специалистах.

– Я так и поняла, – ответила Таня.

Завернув за угол, они оказались перед длинным деревянным, похожим на барак зданием с небольшим крыльцом. Над крыльцом висела табличка с надписью «Гостиница». Едва войдя туда, Таня поняла, что гостиницей это заведение мог назвать лишь человек с очень большой фантазией. Прямо у дверей висел прибитый к стене умывальник. Под ним на табуретке стоял таз с грязной мыльной водой. В коридоре вдоль стен были расставлены раскладушки. Под каждой лежали какие-то вещи. «Значит, ночлежка забита до отказа», – подумала Таня. Название «ночлежка» родилось само собой, но ей показалось, что оно точно отражает характер заведения.

Заведующая гостиницей оказалась на месте. У нее был просторный кабинет с большим письменным столом посередине и высоким сейфом, стоящим у стены. Она сидела за столом под застекленным портретом Л. И. Брежнева и помешивала ложечкой чай в стакане.

– Здравствуйте, Надежда Семеновна, – произнес Андрей, остановившись у порога. Таня встала за его спиной и поглядывала на заведующую из-за плеча своего нового знакомого.

– И ты здесь, – не скрывая досады, произнесла заведующая.

– Почему – и я? – не понял Андрей.

– Да что-то больно много вас сегодня собралось.

– А что поделаешь – погода, – развел руками Андрей.

Она достала из стола небольшую тарелочку, на которой лежало печенье, с хрустом надкусила одну печенюшку и, чмокнув губами, отпила из стакана глоток чая. Затем подняла глаза на пилота и спросила:

– Когда назад полетите?

– Пока не знаю. Дай бог добраться завтра до Андреевского. А что? – Он посмотрел на заведующую гостиницей, которая снова размешивала ложечкой чай в стакане.

– Мне кое-что из области привезти надо, – ответила она. – Как полетите, скажи. Я позвоню, вам принесут прямо в гостиницу. Вы ведь ночуете в городе?

– Да, в городе, – ответил Андрей.

– А это кто с тобой? Жена, что ли? – с ехидной ухмылкой кивнула в сторону Тани заведующая.

– Родственница, – не дав Тане раскрыть рот, ответил Андрей. – Ее тоже надо устроить.

– Да уж вижу. – Заведующая достала из стола два ключа. – Ей придется ночевать с двумя соседками, – она кивнула в сторону Тани, – а вас с Василием Ивановичем я устрою в отдельный номер.

Она протянула ключи и бланки, которые нужно было заполнить.

Когда Таня брала ключ, заведующая не смотрела, а ощупывала ее глазами. Таким взглядом оценивают вещи, и Таня поняла, что она не поверила Андрею. Ее глаза словно говорили: «Знаем мы, что делают с такими родственницами, как только закрывается дверь номера». Таня почувствовала, как от стыда начало пылать лицо.

– Какая я вам родственница? – гневно бросила она Андрею, когда они вышли в коридор. – Зачем вы солгали? Я бы устроилась и по своему командировочному удостоверению.

– А вот могу спорить, что нет, – спокойно ответил Андрей. – Заведующая сказала бы, что свободных мест нет, и никто бы ей ничего не сделал. Она очень не любит газетчиков.

– Да уж вижу, – сказала Таня. – Такая из своей должности выжимает все, что можно. А с газетчика что возьмешь?

– Вот именно, – согласился Андрей. – Сейчас все построено на принципе: ты – мне, я – тебе. Без этого шагу не ступишь. Чиновника кормит не зарплата, а должность. Слышала анекдот, как Брежнев приезжал в грузинский колхоз?

– Может, и слышала, – сказала Таня все еще сердитым тоном. – Напомни.

– Приехал Брежнев в грузинский колхоз. Там устроили застолье. Тамада произнес тост: «Давайте выпьем за нашего высокоуважаемого гостя. Но не как за генерального секретаря – за это он получает зарплату. Не как за председателя Президиума Верховного Совета СССР. За это он тоже получает зарплату. Не как за маршала Советского Союза и председателя Совета обороны. И за это он получает зарплату. А как за человека, который первым понял, что в наше время на одну зарплату не проживешь».

– Не смешно, – сказала Таня.

– На шутки не обижаются, – произнес Андрей. – Но в каждой шутке есть доля правды. Иногда горькой.

Татьяна посмотрела на своего спутника долгим внимательным взглядом. Взгляд этот, если его можно было бы расслоить, как радугу, означал многое. В нем были и догадки, и размышления, не было только ответа. Где-где, а именно здесь, в такой обстановке и при таких обстоятельствах, Татьяна не ожидала встретить человека с подкладкой. Разделение правды, это что: плод собственных наблюдений и раздумий, или Андрей повторил чьи-то слова, которые в свое время ему понравились, и он решил, что они интересны для всех без исключения? Татьяна была молода и красива, поэтому ей старался понравиться не один. В ранней юности она не могла отличать собственные рассуждения человека от заемных, потому что умозаключения черпала из книг и любое умное слово вызывало у нее восхищение. В студенческие годы, когда книжные впечатления стали заменяться житейскими, она постепенно постигла необходимую истину: о людях надо судить не с налету, а по проникновению.

Долгий взгляд, которым она одарила Андрея, озарения не принес, и она, пожалуй, обманывая саму себя, решила: «Чего это я стараюсь? Какое мне дело до того, что он за человек? Сегодня мы встретились, завтра расстанемся и больше не увидимся никогда».

Подведя Татьяну к четырнадцатому номеру, Андрей отомкнул замок, распахнул дверь. Внутрь заходить не стал, посторонившись, пропустил Татьяну. Подождал, пока она пройдет в комнату, и после некоторой заминки спросил:

– Может, поужинаем вместе? Есть все равно надо будет. Здешняя столовка с семи вечера работает, как ресторан...

Татьяна повернулась к нему. Ей хотелось понять, почему он решил пригласить ее на ужин. Скрасить вечерний холостяцкий досуг или завязать серьезные отношения? Но о каких отношениях могла быть речь, если он знал, что она летит в Андреевское всего лишь в командировку? Пробудет там неделю, ну две и навсегда исчезнет из его поля зрения. Поэтому сказала:

– Спасибо за приглашение, но мне сегодня не до ужина. Если сказать честно, я после полета чувствую себя так, словно меня только что вытащили из бетономешалки.

Татьяна говорила правду. Она действительно чувствовала себя неважно, и самым большим ее желанием было лечь в постель. Но Андрей понял это по-другому. Ему показалось, что Татьяна обиделась на него.

– Я ведь не ради себя солгал заведующей. Ради вас...

– Я вам благодарна за койку в гостинице, – не дала ему договорить Татьяна. – Честное слово... Но я правда устала. И потом, надо собраться с мыслями. Мы ведь еще не расстаемся. Завтра нам опять лететь вместе.

Она говорила так искренне, ее глаза смотрели на него с такой теплотой, что не поверить ей было невозможно.

– А в Андреевском вы со мной поужинать не откажетесь? – спросил он.

– В Андреевском нет. – Таня засмеялась. – Ну и настойчивый же вы...

– Может, это мой единственный шанс, – сказал Андрей и, опустив голову, закрыл дверь.

Татьяна осталась одна. Послушав, как в коридоре затихают шаги Андрея, она осмотрелась. Три покрытых серо-буро-малиновыми одеялами кровати – две вдоль стен, одна посередине, тусклое окно, под которым виднелся когда-то крашеный белой краской, а ныне грязно-серый радиатор центрального отопления. Обеденного стола не было, письменного тоже. Их заменяли приткнутые к изголовью кроватей тумбочки. Кровать у правой от входа стены и средняя были заняты – под ними лежали чемоданы.

Татьяну не смутил казенно-неприветливый вид ее временного жилья. Более того, от него повеяло родной общагой, и душа Татьяны, томившаяся с утра, неожиданно успокоилась.

В комнате было сумрачно. Татьяна сняла пальто, подошла к свободной кровати, положила на одеяло сумочку. Достала из нее зеркальце, посмотрелась, поправила волосы рукой. Затем села на кровать, сняла сапоги. И до того ей не захотелось вставать, что она даже не стала разбирать кровать. Она вытянулась на ней, накинула край одеяла на ноги и, закрывая глаза, почувствовала, что проваливается в глубокий сон.

Когда она вновь открыла глаза, сквозь окно едва пробивался мутный свет уходящего дня. Вставать не хотелось. Она лежала, глядя в сумеречное окно, и приходила в себя. В детстве она любила подолгу лежать в кровати и мечтать о чем-нибудь. Сейчас она думала о том, правильно ли поступила, отказавшись ужинать с Андреем. Но ни к какому выводу так и не пришла.

Полежав еще немного, Таня встала и решила пройтись по поселку. Надо было начинать хотя бы шапочное знакомство с Севером, ведь она попала сюда впервые. Она ногой нащарила под кроватью сапоги, натянула их, затем надела пальто.

На улице ее обдало холодом. По земле, закручиваясь в белые, шелестящие язычки, мела поземка, электрические лампочки, позванивая, раскачивались на столбах в порывах снежного ветра. Где-то вдалеке скрипела незапертая калитка. В некоторых местах снег перемел тротуары и дорогу. Татьяна удивилась, как быстро изменилась погода.

Она постояла немного на перекрестке, раздумывая, стоит ли идти дальше. По поселку надо гулять днем. Что можно увидеть сейчас, тем более в такой снег? Но, заметив невдалеке двухэтажное деревянное здание, над которым развевался красный флаг, двинулась дальше. Над крыльцом здания красовалась заметная издалека вывеска. Оказалось, что здесь размещались райком и райисполком. Ни в одном окне не было света, и здание походило на мертвый, застывший дом. Таня повернулась и быстро зашагала в противоположную сторону.

Вскоре она вышла на набережную Оби. Под крутым берегом, запорошенные снегом, мерзли два небольших катера. За ними, смутно белея, простиралась закованная в лед река, противоположный берег которой даже не проступал сквозь сумеречную пелену. У Тани возникло такое чувство, что она попала на край земли. Так далеко от нее были и «Приобская правда», и университет, и родительский дом. И ей вдруг нестерпимо захотелось назад, в большой город, к его огням, теплу и людскому гомону. Она решила, что смотреть в Никольском ей больше нечего, и повернула назад.

Ночью гостиница походила на ночлежку еще больше, чем днем. В коридоре горела тусклая электрическая лампочка. На всех раскладушках у стен спали люди, укрытые серыми одеялами. Те, кому не повезло, ночевали в аэропорту, сидя на скамейках.

Не зажигая свет, Таня разделась и нырнула под холодное одеяло. Она долго не могла заснуть, пытаясь ответить, как ей казалось, на самый простой вопрос: почему мы так плохо заботимся о себе? Заставляем людей готовить лес в суровой северной тайге и не строим для них квартиры? Об этом очень резко говорил на редакционной летучке в «Приобской правде» Гудзенко. Строим такие занюханые ночлежки, как эта? Ведь мы же безумно богатая страна. Откуда эта убогость? И почему мы спокойно уживаемся с такими людьми, как здешняя заведующая гостиницей? Говорим одно, а в жизни все совершенно по-другому? Вопросы лезли в голову, но ни на один из них она не находила ответа.

Проснулась Таня от голосов в коридоре. В комнату пробивался тусклый голубоватый свет, окно затянуло толстым морозным узором. Обе ее соседки уже встали и молча укладывали свои вещи в сумки. Они летели в поселок нефтеразведчиков Таежный.

Татьяна вышла в коридор, где ей пришлось отстоять длинную очередь к умывальнику, наскоро ополоснула лицо обжигающей холодом водой и поспешила на аэродром. Оттуда уже доносился рев самолетных двигателей. Механики разогревали машины, готовя их к полету.

На улице было еще холоднее, чем вечером. Мороз щипал щеки и колени, и Таня прибавила шагу. Только теперь она поняла, что одета совсем не по-северному. Впрочем, даже если бы она знала об этом раньше, изменить что-либо вряд ли удалось. У нее не было другой одежды. Поэтому, когда она вошла в здание аэропорта и увидела Андрея с полушубком в руках, ее захлестнуло чувство благодарности. Она поняла, что эта теплая вещь предназначена ей.

– Возьмите, иначе не долететь, – сказал он, протягивая ей полушубок. – Сейчас будут объявлять посадку.

Он накинул на нее полушубок и, словно подгоняя его по фигуре, слегка стиснул ее плечи ладонями. Этот жест означал более чем простое желание согреть незнакомого человека. Она посмотрела ему в глаза. Впервые в жизни ей захотелось раствориться во взгляде мужчины, и она испугалась этого.

Только в самолете Таня поняла, какую неоценимую услугу оказал ей Андрей. К замерзшим металлическим сиденьям нельзя было прикоснуться, от дыхания людей клубами валил пар. Таня удивилась этому потому, что вчера, перед вылетом из Среднесибирска, в самолете было относительно тепло. Она не знала, что там на стоянках самолетов имеются специальные калориферы, которые греют их перед полетом. В Никольске ничего этого не было. Она подстелила полушубок и села, укрывшись им. А чтобы не замерзли подошвы, стала пристукивать сапогами. Так и долетела до Андреевского.

Когда самолет подрулил к зданию аэропорта, из пилотской кабины первым вышел Андрей. Открыв дверь, он пригласил пассажиров к выходу. Таня встала вместе со всеми, но Андрей, поймав ее взгляд, сделал знак рукой, чтобы она не торопилась. Пассажиры вышли. Подняв полушубок с сиденья, Таня протянула его Андрею и произнесла:

– Спасибо. Он так меня выручил.

– Оставьте его здесь, – сказал Андрей и добавил: – Я провожу вас хотя бы до аэропорта. Он первым прыгнул на снег и протянул руку Тане, помогая ей выйти.

– Куда вы сейчас? – спросил он, когда они медленным шагом направились к зданию аэровокзала, но по его тону она поняла, что спросить ему хотелось совсем о другом. О том, когда они встретятся снова.

– В районную газету, – ответила Таня.

– Тогда подождите, я через пару минут освобожусь и провожу. Нашу редакцию так просто не найти.

И снова Таню захлестнуло чувство благодарности. Внимание Андрея было приятно ей. Они прошли по нескольким улицам деревянного одноэтажного поселка, поворачивая то направо, то налево, пока не уперлись в двухэтажное, тоже деревянное здание, сложенное из старых почерневших бревен, на стене которого была прикреплена застекленная вывеска: «Редакция газеты “Северная звезда”». Андрей вслух прочитал надпись, пожал плечами и сказал без всякого выражения:

– Никогда не думал, что подойду сюда ближе чем на километр.

– У вас это сезонная аллергия или что-то более серьезное?

Татьяна произнесла это откровенно насмешливо, потому что ей не нравился тон, который Андрей принял в отношении газет вообще. То есть в отношении того, что она считала для себя святым, и ко всему, что с ним связано, относилась ревниво. Андрей или не заметил насмешки, или сделал вид, что не заметил, но сказал с каким-то ожесточением:

– К вам это не относится. У меня с газетчиками совершенно другой опыт.

Какой именно, он не сказал, а расспрашивать Таня посчитала неуместным. Андрей не уходил, хотя они стояли у крыльца редакции, и Таня спросила:

– Вы хотите сказать что-то еще?

– Где я разыщу вас вечером?

Он сказал это таким тоном, словно о встрече они давно договорились. Татьяна вспомнила, что обещала поужинать с ним в Андреевском, ковырнула носком сапога снег и ответила с запинкой:

– Пока не знаю... Позвоните в редакцию ближе к вечеру. К тому времени буду знать наверняка.

Татьяна поднялась по очищенным от скользкого снега ступенькам, открыла дверь. И как только шагнула в длинный коридор с широкими, крашенными желтой охрой половицами, слегка заволновалась. Ее волнение было сродни тому, которое испытывает человек, приехавший к чужим людям и не знающий, как его встретят. Сдерживая трепет, она осторожно двинулась вдоль коридора, на ходу читая таблички на дверях. «Заведующий отделом писем», «Заведующий промышленным отделом»... А вот и нужная ей дверь: «Редактор Тутышкин Матвей Серафимович». Задержав на мгновение дыхание, чтобы успокоиться, постучала. И тут же услышала:

– Да, да, входите.

Татьяна отворила дверь и, перешагнув порог, остановилась. Из-за стола поднялся небольшой круглый человек в темно-сером костюме и голубой, не застегнутой на две верхние пуговицы рубашке. Он был близорук. Массивная, из темно-коричневой пластмассы оправа с позолоченной фасонной решеткой в основании дужек обрамляла тяжелые двояковыпуклые стекла. Казалось, что очки ведут свою собственную, независимую от хозяина строгую жизнь. Татьяна представилась.

– Звонили о вас... Николай Макарович Гудзенко звонил, – торопливо, минуя всякий протокол, сказал редактор и тут же услужливо добавил: – Вы раздевайтесь, давайте я вам помогу. Меня Матвеем Серафимовичем зовут... – Редактор помог Татьяне снять пальто, положил его на спинку стула и, оглядывая ее, с удивлением спросил: – Вы так и в самолете летели?

Татьяна пожала плечами.

– Там же собачий холод. Как вы не замерзли?

– Добрые люди помогли, – неопределенно ответила Татьяна.

– Неужели Гудзенко вас не предупредил? Ну, ничего, мы вас не заморозим. Так вы, значит, из УралГУ? Я тоже имел счастье... Кто там сейчас ректором? А деканом на журфаке?

Он усадил Татьяну на стул около своего стола, и со стороны могло показаться, что это разговаривают не редактор с практиканткой, а два бывших однокашника вспоминают самые приятные моменты из своего прошлого. Матвей Серафимович был человеком не только добрым, но и опытным. Произвести самое благоприятное впечатление на практикантку ему хотелось неспроста. Как и во всех районных газетах, штат «Северной звезды» был неполным, и к тому же многие находились там случайно.

Учитель истории, два несостоявшихся райкомовских работника, тоже, кстати сказать, бывшие педагоги, и недавняя редакционная корректорша. Единственным дипломированным журналистом был сам Матвей Серафимович Тутышкин. Нельзя сказать, что его подчиненные работали без усердия. Но ведь кроме усердия газетчику нужен еще и дар божий. Матвей Серафимович посильно приводил их материалы в порядок, но за всем усмотреть не мог. Из райкома ему частенько звонили по поводу технических ошибок и обещали «вызвать на ковер». Но не вызывали, потому что знали возможности редакционного коллектива. Сейчас, рисуя Татьяне открывшиеся перед ней в районной газете перспективы, редактор думал: «Вот если бы...»

Татьяна вела себя скользко. В нужных местах поддакивала, где следует, посмеивалась, а когда, по ее мнению, редактор с перспективами перебарщивал, отвечала односложно и пожимала плечами.

Работа районным газетчиком в Танины планы не входила. Она хотела сразу попасть в областную. Еще два года назад она напечатала свой первый репортаж в «Уральском рабочем». Заведующий отделом информации послал ее на выставку цветов. Она написала о ней сто пятьдесят строк, и ее материал поставили в номер. Верка Калюжная чуть не умерла от зависти. Развернув утром газету, она охнула и сказала:

– Талантливая ты, Танька. У меня сделают из репортажа пендюру на десять строк, я день хожу, только что за потолок не задеваю. А у тебя не вычеркнули ни одной строчки.

После этого Таня не раз печаталась в «Уральском рабочем» с небольшими материалами, а в прошлом году на практике в оренбургской газете напечатала в «Южном Урале» рецензию на спектакль областного драматического театра им. М. Горького. Рецензию оценили, звонили даже из театра. Но дело было не в отдельных успехах. Татьяна чувствовала, что работа в областной газете ей по силам. Поэтому слова Матвея Серафимовича она выслушивала по меньшей мере со снисходительностью.

Матвей Серафимович многое отдал бы за то, чтобы заполучить в свои сотрудники выпускницу факультета журналистики. Был у него и свой козырь. Андреевский район, как он считал, настоящий рай для газетчиков. Крупных журналистских тем, в которых корреспондент мог бы проявить себя, здесь более чем достаточно.

В глубине души Матвей Серафимович понимал, что все его слова пролетают мимо ее ушей. Но уж очень у него наболело. Он на самом деле урабатывался так, что в дни выхода газеты, придя домой, валился на диван замертво. Почему был уверен, что говорит с Татьяной о ее работе в «Северной звезде» впустую? За примерами и ходить не надо: он сам. Предложи ему кто во время его преддипломной практики начать газетную жизнь в той же самой «Северной звезде», как бы он к этому предложению отнесся? Когда учился на последнем курсе, в послужном его списке числились не только выступления в партийной и комсомольской областных газетах, а два рассказа в журнале «Уральский следопыт». И хотя шапочное, но все равно личное знакомство с редактором журнала «Урал» Вадимом Очеретинным.

Если он правильно понял, его собеседница рассчитывает на областную газету. Как правило, журналисты, оканчивающие университет, свою работу начинают в областных партийных и комсомольских газетах. Так и он начинал в свое время. Несколько лет проработал в «Красноярском рабочем», потом в томском «Красном знамени». Везде литсотрудником. Его хватило бы и на заведующего отделом, но он к руководящей должности не стремился. Матвея Серафимовича влекло только литературное будущее. Он написал две, на его взгляд, хорошие повести, ткнулся с ними и в Красноярское издательство, и в Западно-Сибирское. Предложил нескольким журналам, прежде всего, конечно, «Уральскому следопыту» и «Уралу». Везде ответили рецензиями и вежливым отказом. Причина – умозрительство. Ему писали, что он недостаточно хорошо знает жизнь, ни с рабочей средой не знаком, ни с крестьянской. Советовали определяться. И тогда он плюнул на все областные блага и поехал на литературную целину – нефтяной Север. По его наблюдению, ни один писатель своего участка здесь еще не застолбил.

Он уже приступил к новой повести, написал несколько глав. Было это еще в прошлом году. С тех пор на него навалились и приземлили газетные дела. Но тем не менее в душе он все равно считал себя писателем. И в качестве самого веского аргумента раскрыл перед Татьяной ее шансы:

– Вы спросили, что меня привело в Андреевское? Для писателей здесь – край неразведанных тем. Не думаю, что вы решили остановиться на газете.

Он внимательно посмотрел на Татьяну, ожидая, что она поддержит его догадку. Но Татьяна с писательством себя не связывала и свое собственное будущее рисовала реально. Она

не хотела плавать в облаках. Об этом и сказала Матвеем Серафимовичу. Выслушав ее, редактор стал заметно суше.

– Вообще-то, конечно, своей стремительностью я вас, скорее всего, испугал.

– Почему же? – Татьяна пожалала плечами и удобнее устроилась на стуле. В кабинете было тепло, она только сейчас начала по-настоящему отогреваться. – По-моему, я все поняла правильно. Но вы предлагаете мне то, к чему я не готова. Над этим надо думать и думать...

– Совершенно верно, – тут же согласился редактор. – Но вы ведь знаете пословицу: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Больших целей может достичь только тот, кто к этому стремится.

Татьяну это немного обидело, и она ответила с некоторым вызовом:

– Генералом легче стать офицеру. Рядовому дай бог дослужиться до сержанта. – Но тут она ни с того ни с сего вспомнила предстоящую встречу с Андреем и сказала совсем неожиданное: – Знаете что? Давайте мы об этом поговорим попозже?

Матвей Серафимович с готовностью согласился и перешел к делу:

– С чего вы хотите начать у нас практику?

– С нефтеразведочной экспедиции, – не задумываясь, ответила Татьяна.

– С места в карьер? – удивился Матвей Серафимович. – Вам надо познакомиться с нашими условиями, непременно заглянуть в райком партии.

– А что они могут мне сказать? – спросила Татьяна. – Там что, работают геологи?

– Заведующий отделом промышленности еще недавно работал в нефтеразведочной экспедиции начальником цеха. Впрочем, и у нас есть люди, знающие геологов. – Матвей Серафимович приподнялся на стуле и несколько раз бухнул кулаком в стену. Через несколько секунд в кабинет вошла девушка, высокорослая, немного крупноватая, с тяжелыми черными волосами, рассыпавшимися по плечам. Не сказать, чтобы очень привлекательная и запоминающаяся. Если такую девушку увидишь на улице, вряд ли удержишь на ней внимание. А при новой встрече не вспомнишь, сразу отметила про себя Татьяна.

– Знакомьтесь, – сказал редактор. – Светлана Ткаченко. Наша заведующая отделом писем. – Татьяна представилась сама. Редактор ее дополнил: – Практикантка из Уральского университета, приехала в командировку от областной газеты... Ты собиралась по письму к геологам. Когда туда вертолет?

– Где-то через час. Мне должны позвонить.

– Что же ты мне раньше не сказала?

– Мне самой только что позвонили, я уж к вам шла.

– Значит, такие дела... Возьмешь ее с собой. – Редактор кивнул на Татьяну. – Только она в своей экипировке может там околоть. Ты уж найди ей что-нибудь одеться по-нашему... Не в этом же костюме ей лететь в Таежный.

Светлана, обутая в подшитые валенки, остановила взгляд на Таниных сапожках, кивнула на лежащее на стуле подбитое ватином пальто: «Твое?»

– Мое, – сказала Татьяна.

– Бери и пойдем, – решительно сказала Светлана. – Вертолет ждать не будет.

Дальнейшее разворачивалось прямо-таки в детективном плане. Когда вышли из редакторского кабинета, Светлана провела Татьяну в свою комнату, ту самую, на двери которой висела табличка «Заведующий отделом писем». Усадила на стул, сказала: «Я сейчас». Вернулась через считанные секунды вместе с худенькой девушкой, с виду совсем подростком. Остановилась с ней посреди комнаты и, кивнув на Таню, сказала:

– Надо человека выручить. Приехала к нам из Уральского университета на практику. Посмотри, как одета. Мы с ней сейчас летим в Таежное. Отдай ей свои валенки, а ее сапоги надень. Размеры у вас, по-моему, одинаковые.

Такая бесцеремонность немного смутила Таню.

– Что же это мы человека раздеваем? – сказала она. – Ей ведь тоже холодно будет.

– Ничего с ней не случится. У тебя сапоги на меху, а ей до дому два шага. Пока будем в командировке, походит в сапогах. Ты как, Натали, не возражаешь?

Наталя, редакционная машинистка, вчерашняя школьница, мечтавшая именно об Уральском университете, даже просияла от радости. Одна мысль о том, что она может услужить студентке университета, делала ее счастливой.

– У меня дома другие валенки есть, – торопливо сказала она Татьяне. – Вы и носки мои наденьте.

– Вот это молодец, – одобрительно кивнула Светлана. – Носки мы захватим с собой, у меня окончательно переоденешься. Пошли за шубой, надо торопиться. Сейчас я уточню.

Светлана набрала один номер, другой, ей не ответили.

– Я диспетчеру позвоню, пусть передаст Михаилу, что пассажир прибавляется. – Позвонила, сказала насчет пассажира. Диспетчер, видимо, что-то возразил, потому что Светлана, прикрыв трубку ладонью, усмехнулась: – Возьмут, куда они денутся. – И в трубку: – Специальный корреспондент областной газеты. Областной, да... Вот и хорошо. Когда вылетаем? Ага. – Положила трубку.

Точного времени вылета диспетчер не назвал. Сказал, что вертолет должен быть примерно минут через сорок, может, чуть меньше, может, чуть больше.

Пока Светлана говорила по телефону, Таня переобулась. Надев валенки, встала, сделала несколько шагов по комнате. Новая обувь оказалась ей впору. Светлана накинула на себя шубу, достала из шкафа шапку из серебристых соболей, бережно погладила ее ладонью и надела на голову. Потом повернулась к Татьяне, словно показывая, как должен одеваться живущий на Севере человек. Они вышли.

Светлана жила в коммунальной квартире на втором этаже старого деревянного дома. Квартира была неприбранной. На кровати, в головах которой висела гитара, лежали брюки, пышная ушанка из какого-то незнакомого Татьяне меха, толстый свитер. На спинке стула висела юбка. Светлана достала из шифоньера белый полушубок, сунула Татьяне в руки:

– Померяй.

Она надела полушубок, повернулась на каблучке перед Светланой, как перед зеркалом. Та даже прищелкнула языком, сказала с завистью:

– А ты, мать, и в нем выглядишь прекрасно. – И подала ей шапку.

Татьяна от ушанки отказалась, посчитав, что, если ей будет холодно, согреет воротник полушубка.

– Ты что? Бери, это же полярный песец. – Светлана втиснула ей в руку шапку и направилась к двери.

В аэропорту она не стала заходить ни в кассу, ни в диспетчерскую, а пошла прямо к вертолету, находившемуся на заправочной стоянке. Вертолет походил на громадную серую, нахохлившуюся от мороза и опустившую крылья птицу. Концы его лопастей тоскливо свесились вниз и, казалось, вот-вот коснутся снега. Около машины прохаживался парень в зимней летной одежде.

– Бортмеханик, – сказала Светлана спутнице. А когда подошли, по-свойски бросила: – Привет, Володя.

– Привет, привет! Ты тоже в экспедицию?

– Куда же еще, – ответила Светлана. – Да не одна. Вам разве диспетчер ничего не говорил?

– Говорил. Сейчас придет командир, полетим... Да вон он уже идет.

От аэропорта к вертолету шагал мужчина в унтах и синей меховой куртке.

Приблизившись к девушкам, поздоровался, улыбаясь, посмотрел на Татьяну. И совершенно неожиданно сказал:

– И чего это вас всех тянет в корреспонденты? Не женское это дело.

– А какое по-твоему женское? – спросила Светлана.

– Детей рожать. Быть хорошей женой и матерью, а не мотаться зимой по всему Северу.

– Это ваши жены детей рожают. А нас кормить некому. Мы должны сами себе на жизнь зарабатывать.

– А язык у тебя не хуже бритвы, – сказал командир и начал подниматься в кабину.

Светлана усмехнулась. Как и в самолете, Татьяне пришлось лететь в вертолете впервые в жизни. Внутри вроде бы все походило на Ан-2. Разница единственная: пилоты находились не перед тобой, а где-то на втором этаже, сверху. Подняв голову, Татьяна увидела, как усаживается в свое кресло командир. Второй пилот, оказывается, давно был на месте. Бортмеханик закрыл дверь и сел рядом с девушками у иллюминатора. Надел наушники и подключил к ним провод бортовой связи.

Вертолет начал раскручивать лопасти. Корпус лихорадочно затрясся, потом, по мере ускорения оборотов ротора, утихомирился. Вокруг машины поднялась снежная метель, в которой Таня не увидела, а почувствовала, как вертолет оторвался от земли и понесся вперед, набирая высоту. Внизу промелькнуло здание аэропорта и несколько «аннушек». К одной из них шли трое. Только сейчас, увидев летчиков, Татьяна вспомнила о договоренности с Андреем. Как же все неловко получилось. Сказала, что в редакции сообщат ее адрес, а сама никого не предупредила. Однако, подумав, она успокоилась. Редактор знает, что Татьяна улетела, знает об этом и машинистка. В общем, ничего страшного. Командировка есть командировка.

Поселок Таежный, в котором находилась нефтеразведочная экспедиция, сверху выглядел крошечным островком, окруженным бесконечной тайгой. Два ряда одинаковых деревянных домов, начавшись у Оби, лишь немного отодвинули тайгу от берега. Они остановились у высокой древесной стены, словно осознав тщетность своих усилий.

Светлана, уткнувшись в иллюминатор, показывала Татьяне поселок.

– Вон видишь двухэтажный дом? – говорила она, тыкая в иллюминатор пальцем. – Как не видишь? Ты левей смотри, левей, он один во всем поселке. Это контора экспедиции. А правей, через три дома, столовая, между прочим, лучшая в районе. Я о ней очерк написала... Не о ней, конечно, о ее заведующей Марии Алексеевне Бестужевой.

Вертолет, миновав поселок, пошел на посадку, и Светлана замолчала. Сели. Девушки, поблагодарив пилотов, вышли из машины.

– Знакомство с Таежным предлагаю начать со столовой, – сказала Светлана, когда они оказались на главной улице поселка. – Ты как?

– С удовольствием, – обрадовалась Татьяна. – Есть хочу, как волк. Я по-настоящему за эти два дня только вчера утром и поела.

Столовая оказалась чистенькой и хорошо натопленной. Девушки разделись, взяли подносы и пошли к раздаточной. Выбор блюд оказался небольшим, но готовили здесь на самом деле отменно. Светлана молча ждала, пока Татьяна неторопливо допьет свой кисель, потом сказала:

– Начнем, наверно, с начальника экспедиции.

– Какой он из себя? – спросила Таня. – Я никак не могу его вообразить. Представляю редактора газеты, директора завода, профессора университета. А вот как выглядит начальник экспедиции, не знаю.

– А у него от всех понемногу, – ответила Светлана. – И от директора, и от профессора. Сама увидишь.

С начальником экспедиции Светлана переговорила еще перед отлетом из Андреевского, и он ждал девушек в своем кабинете. Он был чуть выше среднего роста, сухощав, в красивом дорогом костюме и галстук. Его аккуратно уложенные на пробор волосы отливали серебром. Особенно сильно серебрились виски. Светлана отметила про себя, что сегодня Николай Александрович Барсов не летит на буровую. Когда ему предстояло лететь к своим буровикам или

вышкомонтажникам, он одевался в толстый шерстяной свитер и куртку. И тогда походил на коренного таежника, правда, тоже интеллигентного.

Барсов поднялся из-за стола и вышел навстречу. Пожимая его мягкую ладонь, Татьяна почувствовала, что волнуется. Барсов походил на строгого университетского профессора, а не на измученного непосильными повседневными заботами производственника. Поздоровавшись с ней, он пожал руку Светлане и спросил:

– А что это Котляков про нас совсем забыл?

Леонид Владимирович Котляков заведовал в «Северной звезде» промышленным отделом. В экспедицию он наведывался редко, и Барсова это даже радовало. Когда Котляков появлялся в его кабинете, от него всегда разило таким сивушным перегаром, что Барсов, разговаривая с ним, отворачивался. Он не понимал, как можно опуститься до такого состояния. Николай Александрович не прощал пьянки на производстве своим трактористам. А ведь Котляков – заведующий отделом районной газеты. Вроде должен быть и образованным, и хотя бы чуточку интеллигентным. К тому же – бывший работник райкома партии. И если бы не последнее обстоятельство, Барсов никогда бы не пустил его на порог своего кабинета. Но у него и без того были натянутые отношения с райкомом. Поэтому Котлякова он принимал, но только после того, как его просил об этом Тутышкин.

– Леонид Владимирович в области, на курсах повышения квалификации, – ответила Светлана. – Вот уже скоро месяц.

– Стало быть, повышает квалификацию... – Барсов провел девушек к столу, предложил сесть на стулья. – Очень рад за него. – И тут же обратился к Татьяне: – А вы, говорят, из Свердловска? Приехали на журналистскую практику? В Уральском университете ведь и геологический факультет хороший. Очень сильный факультет. Только он специалистов по нефти и газу не готовит. Но стране ведь нужна не только нефть, но и железо, и золото, и многое другое.

Барсов обошел стол, сел на свое место. Татьяна смотрела на него, и по мере того, как проходила робость, он нравился ей все больше и больше. В нем была природная интеллигентность, которую не выставляют напоказ, она живет внутри человека. Именно поэтому Татьяна ответила откровенно, не сомневаясь, что Барсов ее не осудит:

– Неизвестно, куда меня распределят. Есть места, которые я более-менее знаю, а с Севером совсем незнакома.

– Значит, вам здесь должно быть все интересно, – сказал Барсов.

– Вы даже не представляете, как интересно, – искренне призналась Таня.

Светлану этот разговор не интересовал, ей надо было разбираться со своим письмом. Воспользовавшись паузой, она торопливо сказала:

– Пока вы разговариваете, я сбегая по письму. Николай Александрович, вы не знаете, Соломончик у себя?

– Разумеется. Он у нас прессу уважает, как мать родную. – Таня заметила на лице Барсова ироничную улыбку. – Я ему сказал, что вы горите нетерпением встретиться с ним.

Когда за Светланой закрылась дверь, Барсов заметил:

– Ну и энергии же у нее. Вселенную перевернет...

– Николай Александрович, скажу вам откровенно, я о нефти не знаю ну вот ни столечко. – Татьяна показала Барсову самый кончик своего пальца. – И поэтому хочу написать не о вашей экспедиции, а о своих впечатлениях от нее. Расскажите мне все, что вы можете рассказать такому дилетанту, как я, о сибирской нефти.

– Вы когда-нибудь видели нефть? – спросил Барсов и повернулся к стоящему у стены книжному шкафу.

Татьяна повернулась за ним. В шкафу на полочке виднелись небольшие колбы с темной жидкостью.

– Вот та самая нефть, которую нашла наша экспедиция, – кивнув на шкаф, сказал Барсов. – Хотите понюхать?

– Зачем? – удивилась Таня.

– Как – зачем? Чтобы иметь о ней лучшее представление.

Татьяна не знала, захотел ли Барсов ее разыграть или сказал серьезно, но она подошла к шкафу, взгляделась в колбочки. На боку каждой из них была наклейка с непонятной надписью. Барсов тоже встал, открыл шкаф, достал одну колбочку. Вытащил из нее пробку, протянул Тане. Она поднесла колбу к лицу.

Тане казалось, что у нефти должен быть такой же запах, как у бензина, но он был совсем другим. Нефть не пахла ни бензином, ни мазутом, ни битумом, она источала особый сладковатый аромат.

– Ну и что? – спросил Барсов.

– Ничего, – сказала Таня и поставила колбочку на место. – Я такого запаха еще не встречала. Он действительно особый.

– Теперь вы можете написать не только о том, какой цвет у нефти, но и как она пахнет, – сказал Барсов.

– А ведь это правда, – согласилась Таня. – С этого и можно начать очерк. – Она обвела взглядом кабинет. – С этого шкафа, с этих колб...

Она поняла, что Барсов не зря затеял сцену с колбами, и была искренне благодарна ему за это. Барсов вел ее, как поводырь слепого по одному ему известным тропкам. Но в Татьяне уже заговорил азарт охотника за новостями, и она, достав из сумочки блокнот и ручку, спросила:

– Николай Александрович, а откуда берется нефть? Почему вы ее ищете здесь, а не в другом месте?

Он наклонил голову, провел пальцами по лбу. Татьяна понимала, что говорить о прописных истинах ему не хотелось. Но они были прописными для него. Для Тани каждая его фраза звучала откровением. То, что Барсов рассказал о нефти начинающей журналистке Татьяне Ростовцевой, запомнилось ей на всю жизнь.

– Споры о происхождении нефти, – сказал Барсов, постукивая пальцами по столу, – то утихают, то разгораются вновь. Когда я учился в институте, наш факультет разделился на два «враждебных» лагеря – органиков и неоргаников. Одни считали, что нефть имеет органическое происхождение, другие утверждали, что она образовалась путем химических реакций.

– Сколько же животных надо собрать в одном месте, чтобы из них образовалось такое количество нефти, как в Западной Сибири или на Ближнем Востоке? – вставила свое соображение Таня.

– Вот видите, вы сразу встали на сторону неоргаников, – улыбнулся Барсов. – Между прочим, у вас и ваших единомышленников сильные позиции. В вулканических газах содержатся углеродистые соединения. На спутнике Сатурна Титане, где никогда не было и не могло быть органической жизни, обнаружены моря жидкого метана. Но не надо забывать, что и Западная Сибирь, и Ближний Восток в прошлом – дно океана. Он был мелководным, хорошо прогревался, в нем бурно развивалась жизнь. Вы сказали: «Сколько животных надо, чтобы из них образовались промышленные запасы нефти». В Мировом океане ежегодно умирали и оседали на дно многие миллионы тонн водорослей, простейших микроорганизмов и более сложных живых существ. За миллионы лет на океанском дне накопились мощные осадочные породы. В них под воздействием температуры и колоссальных давлений из органических остатков и образовалась нефть. Правда, на это потребовались целые геологические эпохи. Вы себе такой процесс представляете?

– С трудом, – сказала Татьяна.

– Вот здесь я вас понимаю прекрасно. Помню, – Барсов засмеялся своим воспоминаниям, – о происхождении каменного угля я услышал в первом классе. Мне очень захотелось

увидеть, как обыкновенный кусок дерева превращается в кусок угля. Я закопал около крыльца щепку и стал ждать чудесного превращения. Понимал, что это произойдет не сразу, поэтому выкапывал щепку через каждые два дня, потом мне это надоело. Щепка так и осталась щепкой. Эксперимент не удался – не было надлежащих условий и соответствующего терпения. Всем этим располагает только природа. После этого я был убежден, пожалуй, класса до четвертого, что каменный уголь происходит от слова «камень» и никакого отношения к живым деревьям не имеет. Уж так устроен нормальный человеческий разум, что воспринимает только близкие ему ощущения.

– А что такое экспедиция? Что, например, представляет собой Таежная нефтеразведочная экспедиция? – спросила Татьяна.

– Что такое нефтеразведочная экспедиция? – Барсов, словно раздумывая, потер двумя пальцами переносицу. – Это прежде всего – пятнадцать тысяч квадратных километров территории. Строго говоря, называть нас экспедицией неправильно. Правильно – нефтеразведочная экспедиция. Это достаточно солидное хозяйство. У нас два арендованных вертолета, Ан-2, три баржи, катера, вездеходы, трактора, болотоходы, три буровые бригады. Почти четыреста человек obsługi. Буровые бригады работают вахтами. В каждой – четыре вахты, три рабочие, одна – подменная. Район у нас, прямо скажу, интересный. Мы уже открыли несколько месторождений. Одно из них, Юбилейное, можно считать уникальным. Его запасы – более ста пятидесяти миллионов тонн нефти. Оно одно ежегодно может давать половину того, что добывают во всем Азербайджане. Полагаю, что скоро откроем еще одно месторождение – Чернореченское. Там заканчивает бурить скважину бригада Федякина.

– А нельзя туда попасть? – Татьяна аж подскочила на стуле. До того ей захотелось посмотреть, как геологи бурят скважины, по которым на поверхность поднимается нефть.

Барсов взглянул на стоявшие на столе часы, потом на Татьяну. Ее искреннее любопытство импонировало ему. В молодости и он был таким же. Он открывал мир и не переставал восхищаться этим. Но тогда Барсов открывал его для себя. С Татьяной совсем другое. Ее глазами будут открывать мир тысячи людей. Те, кто прочтет материалы журналистки Ростовцевой в газете. Он еще раз посмотрел на часы и сказал:

– Сегодня на буровую вы уже не попадете. Вертолет в Чернореченское летает раз в день.

– А завтра? – с надеждой спросила Таня.

– Завтра – пожалуйста. Светлана тоже полетит с вами?

– Она вроде бы мой шеф. Честно говоря, я здесь еще ничего не знаю. И с ней мне, конечно, легче...

– Завтра мы отправим вас в Чернореченское. Я предупрежу Федякина, чтобы встретил.

Барсов попросил секретаршу принести кофе себе и Тане и начал рассказывать о Федякине. В буровые мастера он выбился самоучкой, но не каждому это дано. Тут тоже нужен особый талант. За последние три года его бригада открыла уже два месторождения. А вообще на счету Федякина пять открытий. Жалко, что не все они имеют промышленные запасы.

Таня слушала Барсова, и ей казалось, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим. Она еще никогда не была в такой роли. Ее не угощали кофе, аромат от которого плыл по всему кабинету, она ни разу не беседовала на равных с человеком, для которого даже дать вертолет, чтобы слетать на буровую, не представляло никакого труда. Да и сам Барсов – изысканный, умный, великий охотник за сибирской нефтью, у которого на неделю вперед расписана каждая минута, говорил с ней уже полтора часа и, как ей казалось, готов был говорить еще столько же. Нет, Сибирь – это необыкновенная земля. Если бы об этом узнала Верка Калюжная, она бы умерла от зависти. О Верке Таня вспомнила мимоходом, уже прощаясь с Барсовым.

На улице, встретившись со Светланой, она обняла ее за плечи и сказала:

– Ты даже не можешь представить, как я тебе благодарна за эту поездку.

Татьяна была в восхищении от знакомства с Барсовым. И дорогой, и когда расположились в комнате для гостей (три кровати, три стула, стол, шифоньер), она только о нем и говорила.

– Знаешь, Света, – Татьяна восторженно придыхала, – он так увлеченно рассказывает о своей работе. Если бы я его встретила пять лет назад, совсем не исключено, что вместо журналистики выбрала бы геологию.

– Ты знаешь, что он кандидат наук? – вполголоса, будто открывая величайшую тайну, сказала Светлана. – А сейчас, говорят, готовиться защищать докторскую.

– Я так и подумала, что он больше ученый. И вид у него профессорский: пробор как по линейке. И эта роскошная седина... Но геологи, наверно, и должны быть такими. Ведь, чтобы найти нефть, нужно столько знать...

– Жаль, что его не любят в райкоме, – огорченно сказала Светлана.

– Почему? – удивилась Таня. – Экспедиция открыла столько нефти...

– У нас бояться тех, кто самостоятельный. Разве ты этого не знаешь?

– Но ведь нефтеразведочная экспедиция не университет. Это студентов заставляют зубрить азбучные истины. А здесь без самостоятельного мышления не обойтись.

– Ты так думаешь? – Светлана посмотрела на Таню, словно увидела ее впервые.

– Конечно, – уверенно ответила Таня.

– Ты не знаешь нашего Казаркина. Если бы знала, так не говорила бы.

– Кто такой Казаркин? – спросила Таня.

– Первый секретарь райкома.

– Он по образованию тоже геолог?

– Да нет. Раньше был секретарем обкома комсомола, потом инструктором обкома партии.

– Что, и в геологии совсем не разбирается? – удивилась Таня.

– Райком во всем разбирается. И в лесе, и в рыбе, и в газете. А в геологии... В геологии они – лучшие знатоки. Ведь нефть у нас – главное богатство района.

Татьяна не знала, стоит ли всерьез воспринимать слова Светланы, или в ней заговорила какая-то обида, поэтому перевела разговор на другую тему:

– Слушай, может, я зря напросилась на буровую? Сама напросилась и тебя за собой потащила.

– Наоборот. Я с Чернореченской площади репортаж сделаю. Мы о федякинской бригаде не писали уже давно.

На вертолетную площадку девушки пришли задолго до девяти. Заглянули в диспетчерскую, небольшую избушку на бревенчатых полозьях. Диспетчер, средних лет женщина в черном полушубке и пуховой шали, из-под которой выбивались пряди рыжих волос, сидела за самодельным, грубо сколоченным столом. На нем был телефон, эмалированная кружка с чаем и толстая, похожая на амбарную книгу, тетрадь. В углу стояла железная печурка, в которой потрескивали дрова. В избушке было довольно сумрачно, и отсветы язычков пламени, пробиваясь сквозь щель в дверке, плясали на полу. Диспетчер была предупреждена, что на буровую полетят журналистки, поэтому встретила их приветливо.

– Посидите, девушки, погрейтесь, – сказала она. – Если ничего не помешает, вертолет скоро прилетит.

Татьяна уже понимала, что означают слова «если ничего не помешает». На Севере предвосхищать события не имеет смысла. Все зависит не только от человеческого желания. Погода, надежность техники, иные привходящие обстоятельства. В общем, «если ничего не помешает»... В диспетчерскую зашли трое рабочих в замасленных бушлатах.

– Что сегодня повезем? – спросил один.

– Буровой инструмент, трос, запчасти к дизелю. Еще вот этих пассажиров.

Мужчины внимательно посмотрели на девушек. Диспетчер пояснила:

– Из газеты. Будут писать о Федякине.

– Чего о нем писать-то? – сказал все тот же рабочий.

– Ну как же, он у нас передовик, – ответила диспетчерша, и Таня почувствовала в ее голосе не то зависть, не то обиду.

Говоря это, мужчина не спускал с девушек взгляд. Взгляд был нехорошим, он словно раздевал им донага. Татьяне стало неудобно, она хотела встать и выйти, но в это время донесся гул вертолета.

– Летит, – бесстрастно констатировала диспетчерша, даже не сделав попытки подняться с места.

Рабочие тоже не пошевелились. Здесь, по всей видимости, действовали свои, особые правила. Лишь после того, как вертолет сел и заглушил мотор, они вышли из диспетчерской. Девушки направились вслед за ними. Оказалось, что прилетел тот же экипаж, который вчера привез их в Таежное. Бортмеханик открыл задние дверки вертолета, и рабочие начали загружать машину.

– А вы что здесь делаете? – спросил командир у Светланы.

– Полетим с вами, – ответила та.

– Пора зачислять вас в экипаж, – сказал командир. – Надо поговорить об этом в эскадрилье.

– Женщины на корабле не служат, – тут же нашлась Светлана.

– Не говори, теперь они даже в космос летают.

Рабочие закончили погрузку. Механик закрыл дверки и, подойдя к девушкам, сказал:

– Прошу садиться, у нас все готово.

– Какие вы все галантные, – сказала Таня и вслед за Светланой поднялась в вертолет.

На полу лежали несколько крупных железяк и огромный моток толстого стального троса. Татьяна обвела салон взглядом. Вид у машины был как у изрядно поездившего грузовика. Она никогда не думала, что с воздушным судном можно обращаться так грубо. Но тут же сообразила: на Севере небо – единственная дорога, соединяющая людей друг с другом и с их производством. А самолеты и вертолеты – единственные в этих местах грузовики. У нее появилось ощущение, что ее занесло в совершенно иной мир. Ощущение окрепло, когда прилетели на место. Буровая и все, что ее окружало, казалось крошечным островком в угнетающем море безмолвия. Сразу же за вертолетной площадкой и балками, наполовину засыпанными снегом, плотной стеной стояла мрачная, молчаливая тайга. Казалось, шагни в нее – и обратной дороги не будет...

В Таежном

На самолете Ан-2 Остудин летал не так много, да и то на короткие расстояния. И когда над тайгой машина стала проваливаться в воздушные ямы с такой силой, что сердце порой было готово остановиться, он в отчаянии подумал: до Таежного я не долечу. Но время шло, а хуже ему не становилось. Он сначала с тоской, потом все с большим интересом начал разглядывать проплывающий под крылом пейзаж. Надеялся увидеть буровую вышку или хотя бы деревню с белыми дымками из труб над избами. Но внизу была бесконечная темная тайга, которую изредка пересекали белые змейки речек. И у него невольно возникла мысль: а есть ли здесь жизнь вообще?

Чтобы отвлечься, он стал думать о том, как вести себя во время первой встречи с сослуживцами. Ведь первое впечатление нередко оказывается самым стойким. Но думать не давал сосед. Каждый провал самолета вызывал у него приступ икоты. Он стеснялся своей слабости и пытался шутить. В комплексе это выглядело так:

– Чего-то меня... ик... сегодня развезло... ик-ик... За воздух надо крепче держаться... ик-ик-ик.

– Говорят, что в таком случае помогают леденцы, – сухо заметил Остудин, уже давно пожалевший, что не захватил их с собой.

– У вас, случайно, не найдется? – жалобливо спросил сосед.

В этот момент самолет в очередной раз провалился, сосед отчаянно заикался, и разговор с ним потерял смысл. Остудин, так и не ответив, снова повернулся лицом к иллюминатору. Самолет уже летел над Обью. Разрезая тайгу, она походила на белую извилистую дорогу. Кое-где на ее пути встречались островки леса, она огибала их с обеих сторон и уходила дальше. В одном месте над самой рекой он заметил небольшое облачко. Сначала не понял, что это такое. Потом догадался: пар. Он поднимался над майной – узкой полосой не замерзшей воды и кучерявой шапочкой зависал над ней. И Остудин вспомнил, как еще студентом охотился зимой на зайцев.

Мороз стоял за тридцать, но ему было жарко. Остудин выследил зайца, лежавшего в островке кустарника, поднял его, но выстрелить не успел. Зайца закрыла разлапистая ветка, и пока он огибал ее, тот уже был в недосягаемости выстрела. Остудин только увидел черные кончики его ушей и то, как заяц клубком скатился к речке. Он кинулся по свежему следу, подогреваемый азартом и ощущением близкой добычи. Он хорошо знал это место. Метрах в пятидесяти от берега был небольшой островок, поросший редким тальником. Заяц мог залечь только там, и взять его не представляло труда. Остудин, не раздумывая, бросился с крутизны к реке, но, едва выскочив на припорошенный снегом лед, очутился в воде. Его спасло то, что сугроб, на который он налетел, затормозил погружение. Он успел сдернуть с плеча ружье и положить его поперек промоины.

Остудин выбрался из промоины вместе с лыжами и, не вспомнив о зайце, полез по крутому берегу к спасительному кустарнику. Когда добрался до него, лыжные брюки застыли и гремели словно железо. До деревни было всего километра три, но он понял, что живым до нее не дойдет. Он разжег костер, оттаял и выжал одежду и снова натянул ее на себя. До деревни он все-таки добрался, правда, без зайца.

Сейчас, глядя на клубившийся над Обью пар, он подумал: а что, если в такой промоине окажется трактор? Ведь грузы на буровые приходится доставлять и по льду, и по не промерзшим болотам. Он представил, как трактор, заваливаясь набок, уходит в черную глубину, а тракторист, обезумев от страха, шарит слепыми руками по стеклам кабины и не может найти выхода из нее. Остудин зажмурился и отвернулся от иллюминатора. Ни за что в жизни он не хотел быть свидетелем подобной сцены.

Сосед снова икнул, и он повернулся к нему. Тот был иссиня-желтым и смотрел на Остудина затравленным взглядом.

– Потерпите немного, – сказал Остудин, понимая, что помочь может только словом утешения. – Скоро сядем.

Сосед сжался в комок и закрыл рот ладонями. Самолет уже заходил на посадку. Слегка качнувшись, он заскользил лыжами по неровному полю, развернулся на дальнем его конце и потянул к одноэтажному деревянному зданию с высокой башней. С той стороны ее, которая выходила к посадочной полосе, красовалась большая надпись: «Аэропорт Таежный». «Ну вот и приехали», – подумал Остудин и почувствовал, что разволновался. Все, что происходило до этого, было только прелюдией к его переезду на новое место работы. А теперь он состоялся. Остудин ждал встречи с будущими сослуживцами и не знал, как они воспримут его.

Летчики открыли дверь, и пассажиры начали выходить из самолета. Его сосед попытался встать и тут же опустился на сиденье.

– Я вам помогу, – сказал Остудин и потянул его за локоть. Тот поднялся. Остудин добавил: – Если вас никто не встречает, я вас довезу.

– Спасибо, – ответил сосед. – Я этого не забуду.

Остудин невольно улыбнулся: человек пережил жесточайшую передрыгу и сразу же решил, что будет жить долго. Поэтому и надеется отблагодарить в будущем. Но вместо того, чтобы перевести все это в шутку, сказал, все так же поддерживая его за локоть:

– Нам надо сначала выбраться из самолета.

– Вы здесь кем работаете? – спросил сосед.

– Я еще только приехал на новое место работы.

– А я инспектор облоно Шустиков Леонид Васильевич. – Он протянул Остудину ладонь. – Приехал с проверкой в местную школу.

Притопывая на хрупком снегу, пассажиров самолета встречали двое в одинаковых крытых полушубках и таких же одинаковых сапогах на меху, застегивающихся сбоку на молнию. Один был высокий и сухощавый, другой пониже и коренастее. Едва Остудин ступил на землю, они шагнули к нему. Тот, что был повыше, протянул руку и сказал:

– Разрешите представиться: Еланцев Иван Тихонович, главный геолог экспедиции. А это, – он кивнул на коренастого, – секретарь парткома Юрий Павлович Краснов.

– А вы не ошиблись? – спросил Остудин.

– Нет, – уверенно ответил Еланцев. – К нам чужие не летают – место не курортное. К тому же сарафанное радио работает исправно.

Все трое рассмеялись. Инспектор облоно Шустиков, узнав, в какую компанию попал, испуганно повернулся и шагнул в сторону.

– Куда же вы? – обратился к нему Остудин. – Я же сказал, что довезу. – И, глядя на Еланцева с Красновым, добавил: – Привез с собой работника просвещения. Инспектор облоно Шустиков Леонид Васильевич. Возьмем его с собой до школы?

– Обязательно возьмем, – поддерживая шутливый тон начальника, ответил Краснов.

У калитки аэропорта одиноко стоял зеленый уазик с брезентовым тентом. Пассажиры, вышедшие из самолета раньше Остудина, обходили его. Роман Иванович понял, что это машина экспедиции. Когда подошли к ней, Краснов распахнул переднюю дверцу и шутливо сказал:

– Прошу на свое законное место.

Остудин заметил, что шофер бросил на него быстрый взгляд. Шофер был довольно молодым, и Роману Ивановичу показалось, что, по всей видимости, он недавно пришел из армии. Так потом и оказалось.

Остудин от переднего места отказался.

– Леониду Васильевичу до школы, – сказал он. – Посадим его вперед. А я сяду с сослуживцами. Пора начинать притираться друг к другу.

Шутка понравилась, и все трое снова рассмеялись. Сев в машину, Остудин обратил внимание, что узик хорошо утеплен. Брезентовый тент снизу был подшит стеганым одеялом, такими же одеялами были заделаны дверцы и борта. Кивнув на цветастую отделку автомобиля, он тем же шутливым тоном заметил:

– Северный вариант?

– Да, – серьезно сказал Еланцев. – Вот так мы приспособливаем технику для Севера.

– Что, и с тракторами так же? – удивился Остудин.

– А как же еще? – ответил Еланцев. – Ничего другого у нас нет.

Остудин много слышал о том, что на некоторых наших заводах начали производить технику в северном исполнении. Теперь с разочарованием убедился, что все это только разговоры. И, как бы продолжая его мысль, Краснов добавил:

– Молим бога, чтобы хоть такой-то техники было в достатке.

– Надо не бога просить, а партию, – сказал Еланцев.

– Почему партию? – не понял Остудин.

– А вы разве не знаете стихи Лермонтова в новой редакции? – озорно сверкнув глазами, спросил Еланцев.

– Напомните, – осторожно сказал Остудин, ожидая подвоха. Он уже понял, что Еланцев человек с юмором.

Главный геолог выбросил вперед руку и начал декламировать:

Выхожу один я на дорогу,
А дорога предо мной светла.
Ночь тиха, пустыня внемлет богу —
Это все нам партия дала.

Прочитав стихи, Еланцев откинулся на сиденье и рассмеялся. Остудин, улыбаясь одними глазами, посмотрел на Краснова. Ему казалось, что тот должен отреагировать на стихи хотя бы шуткой. Но Краснов делал вид, что ничего не слышал. И Остудин подумал, что отношения главного геолога с секретарем парткома никогда не бывают откровенными. «А с кем они могут быть откровенными? – спросил он себя. – Копни любую душу, там такой пласт может вывернуться – только диву дашься. Это лишь внешне кажется, что все мы думаем одинаково и стремления у нас одни и те же. А на самом деле все далеко не так...»

Пока ехали к школе, пока высаживали Шустикова и прощались с ним, Остудин приводил в порядок первые впечатления. Еланцев понравился сразу. Был он парень рослый, розовощекий, с круглым лицом и добродушной открытой улыбкой. Глаза его, больше, пожалуй, зеленоватые, чем голубые, смотрели на мир внимательно и осторожно, словно хозяин их на всякий случай прошупывал собеседника, проверял его готовность к разговору, неожиданному и откровенному. А однажды совсем уж мимолетно Остудин увидел в его взгляде скрытый вопрос: «Как мы с тобой жить будем: на откровенностях или недосказанно? Насколько тебе можно доверять?» Такой вот вопрос прочитал Остудин в мимолетном взгляде главного геолога. И про себя подумал: «А тебе?»

Если бы они были вдвоем, Роман Иванович, скорее всего, вызвал бы Еланцева на более или менее откровенный разговор. Но они были не вдвоем. Были еще Краснов и шофер Володя...

В разговоре Краснов почти не участвовал. Ни тогда, когда сидел рядом с Остудиным, ни потом, когда Шустиков вышел, а Роман Иванович пересадил парторга на его место. С этого места поддерживать общую беседу можно было только полуобернувшись, а это положение для

Краснова было очень неловким: его мучил остеохондроз, и часто менять позу он избегал. Об этом Юрий Павлович сказал Остудину и попросил извинить за «замороженную» позу.

– Ну что вы, о каких извинениях может идти речь, – ответил Остудин.

О Краснове у Остудина сложилось впечатление общее, но благоприятное. «Юмор он понимает, сам умеет шутить, это уже хорошо, – думал Остудин. – Тем более хорошо, когда человек хохмит по своей инициативе, а не вторит начальству». Он считал первое впечатление немаловажным. А во-вторых, привык представлять себе людей, с которыми ему выпало общаться долгое время, положительными. При таком общении работается веселее и легче.

Уазик выскочил на берег Оби, качнулся с радиатора на задок и замер. Вниз по реке в километре, может, чуть больше просматривался взвоз-копань. У входа его в воду, привалившись на бок, лежали вытащенные на сушу два катера.

Роман Иванович выбрался из машины и остановился, оглядывая открывшийся простор. Картина была настолько величава и впечатляла так глубоко, что говорить не хотелось. Только думать. И Остудин думал. Ни о чем определенном. Мысли перескакивали с одного на другое, но обязательно с предметного на предметное. Сначала встревожила крутизна. «Метров сорок, однако, а то и больше обрыв, – подумал Роман Иванович. – Сколько же лет этим местам?» Потом взгляд его перекинулся за Обь, и он опять же прежде всего подумал о расстоянии: «На сколько же километров разливается река?» Расстояния как бы придавили его, сделали маленьким. Это было особое ощущение. Он потерял себя. Есть окружение – и бесконечные дали, и тайга, которая вберет и спрячет все, что в ней приживется, а тем более не приживется... И крутояры есть, и взвоз, и катера... Все есть, что он видит, что ощущает. А себя не видит и не ощущает. Слово нет Остудина. Да и не нужен он здесь. Ни тайге не нужен, ни ледяному простору, ни этим людям, которые стоят рядом. Ни он им не нужен, ни они ему. И если они все вдруг исчезнут, ничего в мире не изменится. Даже событием это никто не назовет. Так себе... чихнул комар – и только.

Остудин тряхнул головой, отгоняя наваждение, и все переиначил: «Враки это! Мистика! И он есть, и Еланцев, и Краснов, и шофер Володя тоже есть. Все есть и все живут. А вот с природой глаз на глаз встречаться – избави бог. Ни с застывшей безлюдной тайгой, ни с речными промоинами. В досужие минуты черт знает до чего можно додуматься».

– Заволжье, наверно, впечатляет не меньше? – спросил Еланцев, глядя на задумавшегося начальника экспедиции.

Остудин вдохнул морозный воздух, помолчал немного и ответил:

– Там совсем другие впечатления. Там и воздух совсем другой.

После стоянки на круче Остудин попросил шофера не разгонять машину. Он хотел повнимательнее всмотреться в поселок. Всматривался и думал, что он представлял себе Таежный именно таким – сияющим чистым снегом, с одинаковыми, вытянутыми в струнку домами, аккуратными снаружи и просторными внутри. Держава начинается с семьи, с дома. Крепок дом, крепка и держава. И ему было приятно, что на глаза не попало ни неустроенности, ни безразличия человеку к месту, в котором он живет. Каждое жилье представлялось со своим, только ему присущим бытом. Особенно приятно было видеть расчищенные от снега пешеходные дорожки. Значит, людям не надо было ходить по проезжей части, уступать дорогу машинам. А это говорило о многом и прежде всего о культуре. Поэтому он и сказал, наклонившись к Краснову:

– Ухоженный поселок. Честное слово, приятно смотреть.

– Уж куда ухоженнее, – усмехнулся Краснов. – Подождите, когда начнет таять снег, тогда увидите.

Остудин не стал выяснять, что он увидит, когда растает снег. Первое впечатление было хорошим, и он остался этим доволен.

Контора экспедиции располагалась в единственном на весь поселок двухэтажном здании. Все трое поднялись на второй этаж – там находился кабинет начальника. В приемной за машинкой сидела тоненькая девчушка, скорее всего вчерашняя десятиклассница. Увидев Остудина, она вскочила из-за стола и просто впилась в него глазами, стараясь как можно лучше рассмотреть нового начальника. Ей надо было составить о нем свое суждение, чтобы сегодня же поделиться им с другими.

– Манечка, пригласи начальников служб и отделов, – попросил ее Еланцев, открывая перед Остудиным дверь в кабинет.

Манечка села и взяла в руку телефонную трубку. Остудин перешагнул порог и очутился в кабинете. Он был точной копией кабинетов районных: два стола – главный и для приглашенных, – образующие букву «Т», вокруг стола для приглашенных в тесном строю стулья. Позади кресла начальника – геологическая карта района. Справа от кресла, теперь уже остудинского, стеклянный шкаф с кернами и колбами с нефтью. На каждой колбочке наклейка с названием месторождения.

Остудин не видел даже фотографии своего предшественника, тем не менее представил: сидит в глубоком кожаном кресле человек средних лет, скорее всего седоватый. Лицо нерешительное, какое-то даже расплывчатое. В общем, лицо человека, уже решившего подать заявление об уходе.

В формулировку «по собственному желанию» Остудин не верил. Батурин сказал: «Не стал дожидаться второго строгача». Это уже была более веская причина для ухода. При такой перспективе у кого угодно появится «собственное желание». Поэтому он как бы между прочим спросил:

– Кстати, а почему Барсов не захотел здесь оставаться? Не поладил с кем?

– Причин много, – помедлив, ответил Еланцев. – Но главная, думается, та, что Николай Александрович изработался. Такое хозяйство может вытянуть только двужильный.

– Значит, надо разработать методику по накачиванию мускул, – сказал Остудин, оглядывая кабинет рассеянным взглядом. – Если одного двужильного мало, вытягивать надо всем.

В кабинет начали входить люди. Кивнув новому начальнику, со стуком отодвигали стулья и садились за стол. Он обратил внимание, что у каждого здесь свое, раз и навсегда обозначенное место. Сев, они вполголоса продолжали разговор, по всей вероятности начатый еще до приезда Остудина в контору. Скорее всего, обсуждали какие-то производственные дела.

Шумное появление своих новых сослуживцев не только не обидело его, он остался им даже доволен. Люди не собирались подстраиваться под новое начальство, им-то не надо было вникать в производство. Они этим производством жили, они им живут и будут жить впредь, какого начальника ни пришли. В ближайших своих действиях Остудин решил исходить из этого наблюдения.

Процесс знакомства есть процесс знакомства, и ничего необычного в него не привнесешь. Да и зачем? Поочередное представление одного, второго, третьего не есть знакомство. Это всего-навсего пофамильное обозначение. Знакомство начнется тогда, когда люди станут откусывать от одного на всех круто посоленного ломтя. А пока только фамилии: заместитель начальника по общим вопросам Кузьмин Константин Павлович... Начальник транспортного цеха Галайба Сергей Афанасьевич... Начальник ОРСа Соломончик Ефим Семенович... Всех руководителей отделов и цехов шестнадцать человек. Еланцев называл должность, имя и отчество каждого. Они поднимались, кивали и снова садились. В ответ Роман Иванович тоже приветливо кивал головой и поднимал руку над столом, изображая символическое рукопожатие.

Когда все были названы, Остудин, продолжая стоять, сказал:

– Признаюсь честно: от геологии я оторвался. В последнее время занимался эксплуатационным бурением. Но это сейчас может быть и к лучшему. Вы будете помогать мне, я – вам.

Работать будем вместе. Никаких революционных перемен делать не собираюсь. Когда войду в курс событий, поговорим подробно. Если у кого есть вопросы, милости прошу.

Вопрос был всего один. Старший геолог Людмила Тимофеевна Кутепова спросила о семейном положении. И после того, как он ответил, поинтересовалась, почему жена не приехала вместе с ним. Он сказал ей то же самое, что и Батурину: жена приедет после окончания учебного года в школе. Других вопросов задавать не стали. Когда все разошлись, Краснов сказал:

– Может, сначала пообедаем, а потом займемся делами? Время-то уже к концу рабочего дня, а в самолетах Ан-2, насколько я знаю, не кормят.

Остудин посмотрел на Еланцева. Тот пожал плечами и сказал:

– Я только за.

С обеда в кабинет вернулись все вместе. Знакомить с делами экспедиции начал Иван Тихонович. Он подошел к большой геологической карте района и сказал:

– Вот здесь мы ведем поиск. Геофизики подготовили несколько хороших структур, но пока мы не можем до них добраться...

Остудин сразу же вспомнил тайгу, проплывавшую под крылом самолета, дымящуюся майну на Оби и понял, что с сегодняшнего дня все это становится его территорией жизни. «Первым делом надо побывать в транспортном цехе, – подумал он. – От него зависит половина успеха. А может, и больше». Еланцев между тем называл нефтяные залежи, разведанные экспедицией.

– Вот это – Юбилейное месторождение, – говорил он, обводя кончиком указки жирный контур на карте. – Самое крупное из открытых нами. Сейчас нефтяники строят там поселок. А мы... Черт знает что у нас происходит. Аварии, некачественное испытание скважин, бурим плохо... Короче, все один к одному.

– Черная полоса? – спросил Остудин, всматриваясь в карту.

– Белой ее не назовешь, это верно, – согласился Еланцев. – Некоторые даже подвели под это теоретическую базу: идет полоса невезения, и здесь ничего не поделаешь. Все старания как в прорву – все беды напоказ.

– А что ты лично думаешь об этом? – Остудин не заметил, когда они с главным геологом перешли на «ты».

– Не везет тогда, когда работают спустя рукава. – Еланцев опустил указку и повернулся к столу. – Привыкли, что все в порядке, все делается само собой. У всех на уме одно: Барсов уходит, появится новый начальник, тогда развернемся. Вот и появился. Вот сюда, – Еланцев показал на карте площади, где, по его мнению, может залегать нефть, – нам надо переводить хотя бы одну буровую бригаду. Но у нас острая нехватка оборудования. Одна бригада вместо того, чтобы бурить, помогает монтировать станок. Другая стоит из-за нехватки обсадных труб. И лишь одна ведет проходку. А ведь мы не зря говорим, что нефть находится на кончике долота. Будут метры проходки – будут открытия.

Еланцев снова повернулся к карте и начал рассказывать о геологических перспективах района. Он так увлекся этим, что заразил и Остудина. Роман Иванович несколько раз вставал из-за стола, чтобы получше рассмотреть контуры структур, на которые показывал главный геолог, задавал вопросы о путях к ним, о местности, о том, что думают об этом в объединении у Батурина. У Еланцева наболело. А поскольку говорил он страстно, апеллируя то к новому начальнику экспедиции, то к Барсову, то даже к министерству, никто не обращал внимания на время. Машенька высидела допоздна, искренне полагая, что с минуты на минуту может понадобиться новому начальнику. Часов в девять не выдержала. Осторожно приоткрыла дверь, встала на пороге, робко спросила Остудина:

– Роман Иванович, я вам сегодня еще понадоблюсь?

Остудин сначала ничего не понял, глядя на ее тонкую фигуру в широких валенках, потом удивленно развел руками:

- Прости, пожалуйста. Рабочий день давно закончился, я думал, ты ушла со всеми.
- Как же можно уйти без предупреждения? – удивилась секретарша.

Остудин только качнул головой и сказал:

- Иди отдыхай, я разрешаю.

Машенька молча кивнула в ответ. Скажи неосторожное слово, наверняка бы расплакалась. А Остудин подумал о своем предшественнике: «Барсов, по всему виду, был человеком строгих правил. Хорошие традиции надо беречь».

После того как секретарша закрыла за собой дверь, в кабинете наступила пауза. Руководители поняли, что даже самый интересный разговор должен иметь конец.

Первым попрощался Еланцев. В кабинете какое-то время стояла тишина. Краснов поднялся, покачался несколько секунд, переступая с носка на пятку, подошел к двери, приоткрыл ее. Убедился, что главного геолога нет в приемной, и сказал вполголоса:

- Талантливый человек Еланцев. А вот по женской части у него бывают заскоки.
- Не на тех заглядывается? – не скрывая иронии, спросил Остудин.

– Зря ерничаешь, Роман Иванович, – холодно отозвался Краснов. – В поселке ходят слухи, что у него в районе есть женщина.

- Ходят слухи или имеется?

Краснов пропустил вопрос мимо ушей.

– В Среднесибирске у него жена, артистка филармонии, она месяцами ездит с концертами. Поет.

Остудин смотрел на Краснова, не понимая, для чего тот затеял этот разговор. Если для того, чтобы с первой минуты посеять недоверие между ним и главным геологом, то это плохо. На недоверии прочного здания не построишь. Но тут же подумал, что Краснов мог таким образом предупредить его. Поселок геологов небольшой, здесь даже самые сокровенные тайны быстро становятся общим достоянием. Не зря Кутепова спрашивала, когда приедет его жена.

– Слухи, да и вообще сердечные дела не по моей части, – ответил Остудин. – Конечно, придется разбираться и в них, но я ведь больше специализировался по бурению.

Краснов пожал плечами и напористо сказал:

– Проблема одной семьи может вырасти в проблему всего коллектива. Особенно если речь идет о руководителе.

Остудин, конечно, все понимал. Краснов в первую очередь имеет в виду его, остудинское одиночество. Как бы оно ни затянулось, а то, не ровен час, придется и в остудинскую душу входить через партийную дверь. Поэтому Роман Иванович отозвался с коротким смешком:

- Досматривать за Иваном Тихоновичем у меня времени неостанет.

– Я ведь об этом сказал не для того, чтобы досматривать, – примирительно произнес Краснов. – Чем больше знает о своих сотрудниках начальник, тем легче ему принимать решения. Пойдем, я покажу тебе твои хоромы.

Они вышли из здания конторы. За ее стенами была непроглядная ночь. Лишь в нескольких домах светились окна, да в черном небе переливались хрустальными гранями недосыгаемые звезды. Пройдя немного по скрипучему снегу, остановились около приземистого бревенчатого дома. Остудин, освоившийся в темноте, разглядел около него небольшой палисадник, а на задах – огород. Краснов достал из кармана ключ, на ощупь открыл дверь. Когда вошли на кухню, он нашарил на стене выключатель, зажег свет. Остудин осмотрелся. Кроме кухни в доме было три просторных комнаты. После ремонта здесь пахло свежей известью и краской. В особняке было тепло. Очевидно, кто-то каждый день приходил топить печи.

– Я думаю, тебе лучше поселиться здесь сразу, – сказал Краснов, очерчивая рукой пространство перед собой. – Печку будет топить Полина. Уберет твой кабинет и здесь распорядится. Если договоритесь, может и постирать.

– А мой моральный облик от этого не пострадает? – не скрывая иронии, спросил Остудин. – Вдруг слухи до тебя дойдут?

– Об этом не беспокойся, – улыбнулся одними губами Краснов. – Полине через два года на пенсию. Как тебе квартира? У тебя в Поволжье лучше?

– Это надо будет жену спросить, – обводя жилище глазами, произнес Остудин. – Я к быту нетребовательный. Переспать есть где, и ладно. Уют нужен женщине. Она без этого не может.

– Я думаю, и ей понравится, – сказал Краснов. – Мария Сергеевна претензий не предъявляла.

– Мария Сергеевна – это?..

– Жена Барсова. Кстати, не знаю, обратил ли ты внимание на палисадники. Это ее инициатива. Она завезла сюда сначала георгины, потом гладиолусы. Летом ты нашу красоту оценишь.

Остудин подумал, что жена Барсова, по всей видимости, была незаурядной женщиной. И красоту ценить тоже умела, если уж здесь, на Севере, сумела развести такие цветы. И тут же мысль перескочила на жену: «Нина небось обрадуется этому цветнику. Надо будет в письме упомянуть. Может, она еще каких-нибудь цветов сюда привезет?» Подумал об этом так, будто Нина появится в Таежном не сегодня завтра.

Хотя в доме уже давно никто не жил, Остудина не оставляло впечатление, что здесь постоянно присутствует хозяин. Об этом прежде всего говорило тепло. Оно было не случайным, недавно появившимся, а устоявшимся. Полы в спальне и в зале были застелены паласами, по коридору – дорожки. В кухне – холодильник, в зале стол раздвижной полированный, стулья полумягкие. А вот две деревянные кровати хозяина не имели. На одной лежал ватный матрац из общежития, две перьевые подушки, в ногах в несколько раз сложенное одеяло, на нем под одеяльник, простыня, наволочки. Другая кровать была пустой. Поясняя эту солдатскую приготовленность, Краснов сказал:

– Одному тебе этого пока хватит. Приедет жена, наведет порядок. Если захочешь, в магазине можешь приобрести разный шурум-бурум.

– Не захочу... Пока ничего не захочу.

В голове Остудина не было места для размышлений о бытовом уюте. Все мысли были только о том, как быстрее заняться делом.

Вошли в зал. Остудин выдвинул из-под стола стул, прежде чем сесть, похлопал по нему ладонью, пошутил:

– На такой сядешь с удовольствием, а вот подниматься с него не захочется.

Краснов, не отреагировав на шутку, уселся напротив, обвел зал рукой:

– Это все казенное тебе по штату положено, а вот настоящую обстановку – за свои деньги. Если жене что-то потребуется, может заказать через ОРС. Соломончик достанет. Для начальника нефтеразведочной экспедиции особых проблем нет ни в чем.

– По обычаю прежде, чем войти в дом, хозяева сначала пускают в него кошку, – сказал Остудин. – Потом распечатывают бутылку и с рюмкой встречают гостей у порога. Я не предполагал, что в первый же день получу ключи от собственной квартиры.

Сказал и простодушно посмотрел на Краснова, пытаясь определить его реакцию. И уж никак не думал, что Краснов отзовется немедленно и горячо:

– Мы традиции соблюдаем свято. – Он озорно сверкнул глазами и устремил взгляд в сторону кухни. – Кошку заведешь сам, а остальное здесь имеется.

Остудин понял, что секретарь парткома все предусмотрел и к неформальной беседе с новым начальником экспедиции подготовился основательно. Краснов встал, вышел на кухню.

Несколько минут там позвякивала посуда, потом раздался характерный звон. «Чему-то конец пришел», – подумал Остудин. Вскоре появился Краснов. В руках – поднос, через плечо перекинута полотенце.

– Что ты там грохнул? – поинтересовался Остудин.

– Стакан выскользнул. Посуда бьется всегда к счастью.

Краснов накрыл стол в считанные секунды. На скатерти появились яства. Прежде всего – бутылка армянского «Двина», блюдец с черной икрой, тонкие прозрачные ломтики осетрового, видимо, балыка, копченая грудинка, поллитровая банка маринованных боровичков.

Остудин молча наблюдал за его действиями. Пытался отгадать, для кого старался Краснов: для него или, может быть, секретарю парткома самому захотелось выпить. Удивился, лишь когда тот положил на краешек стола тонкую стопку не то книжонок, не то брошюр.

– А это еще зачем? – кивнул Остудин на стопку.

– Чтобы не забыть. Когда шофер привозил сюда это, – Краснов показал глазами на закуску, – оставил для меня книжки. Из райкома передали.

Краснов нагнулся над столом, протянул руку за бутылкой «Двина», налил. Поднял свою рюмку за тонкую ножку и сказал:

– За тебя, Роман Иванович. Хочу, чтобы ты осел здесь всерьез и надолго. И не только я хочу. Чем стабильнее руководство, тем лучше коллективу.

Остудин задержал свою рюмку в руке, не зная, что ответить. Выходило, что в него здесь не очень верили. Во всяком случае, считались с тем, что новый начальник может и не задержаться. Он посмотрел на Краснова, ожидая, что тот закончит свою мысль. Но секретарь парткома опрокинул рюмку в рот и потянулся за закуской. Остудин выпил вслед за ним и подумал, что по-другому отнестись к нему не могли. Свое право на руководство надо доказывать делами.

– У меня все время не выходит из головы одна мысль. – Остудин специально не смотрел в глаза Краснову. – Судя по всему, Барсов был отличным специалистом. Почему он все-таки уехал? Еланцев что-то недоговорил...

– Мир не делится на черное и белое, – уклончиво ответил Краснов и снова протянул руку к «Двину». – Кроме производственных, есть еще общественные отношения. С этим тоже надо считаться.

Краснов опять налил, они выпили еще по рюмке.

– Что ты подразумеваешь под общественными отношениями? – спросил Остудин.

– Взаимоотношения с партийной властью. Нет, не со мной, – словно предупреждая дополнительный вопрос, ответил Краснов. – Я ее самое нижнее звено. Для коллектива важно, как относятся к руководителю и обком, и райком. Кроме того, надо уметь общаться с журналистами. Чем они ближе к тебе, тем меньше критикуют. У нас ведь есть и неприкасаемые.

Краснов посмотрел на стопку книжек. Остудин протянул к ним руку, взял верхнюю: Л. И. Брежнев «Малая земля». Поднял на Краснова недоумевающий взгляд. Тот ответил вопросом:

– Читал?

Остудин едва удержался, чтобы не ответить: «А куда бы я девался?», но с ответом задержался, взял и полистал другой труд Леонида Ильича Брежнева – «Возрождение». И, только полистав, сказал как раз то, что должен был сказать:

– Еще два месяца назад. А у вас они только появились?

– Неделю назад завезли, – сказал Краснов и, кашлянув в кулак, серьезно добавил: – Тут тебе и война, тут и восстановление народного хозяйства. И отношение ко всему личное. Все показано через жизнь одного человека.

– Ты сам-то эти книги читал? – спросил Остудин.

– «Малую землю» прочитал, а «Возрождение» еще не успел.

Но, судя по тому, как стыдливо опустил глаза Краснов, Остудин понял: ни одну из этих книжек секретарь парткома не держал в руках. «Тогда почему не сказать об этом прямо? – подумал он. – Зачем это фарисейство?»

Они снова подняли рюмки, выпили. Закусывали от души. Долго закусывали. Чувствовалось, что ни одному не хочется возвращаться к обязательному, совсем не застольному разговору. Но возвращаться было надо. Первым нарушил молчание Краснов:

– Эти книги прислали для изучения. И наверняка ответственным за это назначат руководителей предприятий.

– Слушай, Юрий Павлович, будь другом, не привлекай меня к этой кампании, – неожиданно взмолился Остудин. – Неужели не понимаешь: я, по сути дела, еще не принял экспедицию, надо знакомиться с делами, а ты меня сразу в такую упряжку...

Краснов понимал, что дело не только в занятости нового начальника экспедиции. Книга читается тогда, когда к ней есть внутренний интерес. Нельзя заставить человека полюбить книгу с помощью директивы. Остудин пытается открутиться, потому что не хочет заниматься тем, к чему не лежит душа. Но секретарь парткома был настойчив по чисто личному мотиву. Если руководителем будет не Остудин, то им придется быть ему, Краснову. А это значит, самому промусолить сотни страниц декларативного пустозвонства, которое ни к чему не приложимо. Все это он держал в уме, вслух же ответил, лишая Остудина возможности возражать:

– Дело это практически решенное, поверь мне. Таково мнение руководства района.

Он развел руками, показывая, что никто уже не в состоянии изменить это решение. Пить и есть сразу расхотелось, но Остудин понимал, что это ни в коем случае нельзя показать Краснову. Он выдержал ужин до конца.

Когда бутылка была допита и Краснов попытался достать другую, Остудин остановил его.

– Ты извини, Юрий Павлович, устал я что-то, – сказал он. – Сам понимаешь, такая дорога, столько впечатлений, и все это в один день...

Краснов все понял. Докурив сигарету, он оделся и попрощался с новым хозяином квартиры. Остудин проводил его до дверей.

Татьяна, помнишь дни золотые...

Светлана вела себя на буровой так, словно это был ее родной дом. Выбравшись из вертолета, она направилась не по расчищенной бульдозером дороге, а по протоптанной в глубоком снегу узкой тропинке к ближайшему балку. Татьяна молча последовала за ней. Заглядевшись на огромный раскидистый кедр, она оступилась с тропинки и тут же зачерпнула валенком снег. Он попал за голяшку, и нога сразу почувствовала это.

– Подожди, – сказала Таня и ухватила одной рукой Светлану за рукав. Засунув пальцы за голяшку, она выгребла снег из валенка.

– На буровой рот не разевай, – наставительно заметила Светлана. – Здесь и по голове огреть чем-нибудь может.

Девушки подошли к балку бурового мастера. В нем было сумрачно. Сквозь намерзший на стекле небольшого оконца толстым слоем куржак едва пробивался дневной свет. Когда Светлана закрыла дверь, в балке стало совсем темно.

– Вот черт, – выругалась Светлана, нащарила рукой выключатель и щелкнула им. Но лампочка не загорелась. Она прислушалась и сказала: – Буровая стоит. Наверно, что-то случилось.

Они вышли из балка. Таня посмотрела на буровую, высившуюся в пятидесяти метрах от них. Она походила на собранную из железных конструкций ажурную башню.

– Пойдем туда, – кивнула в сторону буровой Светлана.

Только теперь Таня поняла, откуда у нее появилось ощущение, что она оказалась на краю земли. Буровая молчала. Над балками и тайгой стояла неземная, скованная ледяным холодом тишина. Жизнь словно навсегда ушла из этих мест. Не слышно было ни теньканья синиц, ни стука дятла, только скрип снега под ногами, когда они шли к буровой. Не доходя до нее, Таня увидела на мостках нескольких человек. Они молчаливо возились с какими-то железками.

Заметив девушек, один из них поднял голову и досадливо сказал:

– Вот уж не вовремя, так не вовремя. Идите в балок, пока не замерзли, а я с дизелем разберусь и приду.

Он отвернулся и нагнулся к железкам.

– Пойдем, – сказала Светлана и повернула назад.

Федякин появился примерно через час, вскоре после того, как на буровой затарахтел двигатель. Одновременно с этим в балке вспыхнула лампочка. Федякин прошел мимо девушек, остановился у железной печки, протянул к ней озябшие ладони.

– Серьезная была поломка? – глядя на него, спросила Таня.

– Зимой любая поломка серьезная, – ответил Федякин. Он потер ладони и, повернувшись к девушкам, спросил: – С чем прибыли?

– Давно вас не видели, вот и прилетели, – ответила Светлана. – Барсов сказал, что вы везучий, скоро откроете нефть.

– Откроем, если не пропадем, – иронично усмехнулся Федякин. – Если бы сейчас двигатель не запустили, пришла бы хана и нам, и буровой.

Петру Петровичу Федякину шел пятидесятый год. Но выглядел он значительно старше. Обветренное, загрубевшее его лицо иссекли частые и глубокие морщины. Молодыми были только синие глаза, в которых иногда проскакивали мальчишеские искорки. Узнав, что Татьяна с Урала, он заметил:

– Выходит, мы земляки. Я ведь тоже с Урала, может, слышали: Чебаркуль?

– Как же, – обрадовалась Татьяна. – В Челябинской области. Вы давно оттуда?

– Куда дальше. Мне был всего год, когда нас сюда переселили. Я из ссыльных. В тридцатом году нас всей семьей сюда вытолкнули.

Татьяне стало неловко за свой вопрос, и она, выходя из положения, спросила:

– Ну и как вам здесь?

Но Федякин, который уже давным-давно пережил первые болезненные годы отчуждения от родных мест, считал Север, к которому привык, своей настоящей родиной и потому говорил о нем с удовольствием. Потому и сказал Татьяне:

– Вы на это не обращайте внимания. Я о том времени говорю спокойно, все острое давно отболело. Да и пора забыть нам всем об этом. Чем раньше забудем, тем спокойнее будем жить.

– Почему? – спросила Татьяна.

– А для чего помнить? Чтобы мстить? Кому? – Он перевел взгляд с Тани на Светлану.

И тогда Татьяна спросила:

– Вас раскулачили?

Она считала, что на Север ссылали только раскулаченных, и очень удивилась, когда Петр Петрович ответил:

– Нет, мы не раскулаченные, мы ссыльные. Отец заступился за соседа, которого стали раскулачивать. У того было восемь детей, он держал двух коров. Одну из них решили отобрать, а отец встал с колом поперек дороги. Нас и отправили в Нарым. У соседа из восьми детей в живых осталась только старшая дочка. У меня было две сестры. Выжил один я. А теперь давайте говорить о том, зачем вы приехали.

– Да, да, – поспешно отозвалась Таня. – Мне Николай Александрович сказал, что вас недавно наградили. Каким орденом?

– Трудового Красного Знамени. – Федякин опустил глаза. – С этим орденом целая история. Старались все, а отметили одного меня.

– Так вы же буровой мастер.

– Мастер без подмастерьев – пустое место.

Петра Петровича Федякина жизнь покрутила изрядно. Кем он только не был. И трактористом, и мотористом на катере, и охотником, и рыбаком. Не в поисках заработка метался, а потому что бывшему ссыльному даже на Севере твердого места не находилось. Но вот пришли геологи. Тех не интересовало, откуда ты: из ссыльных, бывших арестантов или раскулаченных. Главное, чтобы хорошо работал. За хорошую работу и деньги платили хорошие. Так Федякин и прижился в геологии. Окончил курсы буровиков и очень быстро прошел в бригаде все ступеньки, от помощника бурильщика до мастера. А когда бригада открыла Юбилейное месторождение, Петр Петрович стал человеком заметным. Начали о нем писать и в районной газете, и в областной.

Но Федякину везло: вслед за Юбилейным его бригада открыла еще два месторождения. Рассказывая об этом, Федякин пожимал плечами и, хитровато поблескивая глазами, говорил: «Ничего не скажешь, фартит». А рассказывая о прошлом, как бы подсмеивался над собой:

– Год за годом бурили скважины, а кроме притоков минерализованной воды – ничего. Иногда поднимали керн с запахом нефти, но он так и оставался запахом. Не было форта. – На его губах снова появлялась хитроватая улыбка. – Без форта в геологии ничего не добьешься.

– А когда нашли нефть, какое было настроение? – поинтересовалась Татьяна.

– Какое может быть у человека, который нашел кошелек с золотом? Когда нефть пошла, мы ее из приямка пригоршнями черпали. Умывались нефтью. У нее, между прочим, сладковатый запах, я его теперь из-под земли чую.

Сказав это, засмеялся чистым ребячьим смехом, который поразил Татьяну так же, как его мальчишеские глаза.

Петр Петрович поднялся со стула, открыл висящий на стене деревянный шкафчик, достал из него кусок серого камня цилиндрической формы, протянул Тане. Та повертела его в руках и, не обнаружив ничего заслуживающего внимания, положила на стол.

– А вы его понюхайте, – предложил Федякин.

Таня понюхала. И сразу почувствовала тот же запах, что и у Барсова в кабинете, когда он давал ей понюхать колбу.

– Это керн, – торжественно произнес Федякин. – Его достали с глубины две тысячи четыреста метров. А запах означает, что мы подсекли нефтеносный пласт. Я же вам сказал, что из под земли чую этот запах.

Таня с удивлением посмотрела на кусочек серого камня, спросила:

– Что, в нем и содержится нефть?

– Ну а где же? – удивился Федякин.

– А как же она может накапливаться в камне? – Таня хотела дойти до сути, ей надо было понять весь геологический процесс.

– Между прочим, этот камень называется песчаником. – Федякин взял у нее из рук керн, прищурив один глаз, повертел его перед лампочкой. – Толщина песчаника несколько десятков метров, а площадь может достигать нескольких квадратных километров. Он весь пронизан мельчайшими порами. Сверху его прикрывает непроницаемый слой глины. Скопившаяся в нем за миллионы лет нефть не имеет выхода. Единственный ее выход наружу – через скважину.

– Так вы что, открыли еще одно месторождение? – спросила Таня.

– Пока только нефтеносный горизонт. А будет там нефть или нет и сколько ее, мы еще не знаем.

– А когда узнаете? – не сдавалась Татьяна.

– Когда испытаем скважину.

– А когда будете испытывать?

– Мы еще не закончили ее бурить.

Светлана смотрела на Таню и удивлялась ее дотошности. Сама она сто раз была на буровой, но о таких тонкостях никогда не расспрашивала. Ей казалось, что читателю это будет неинтересно. Зачем ему знать, как образуется нефть, где она залегает? Ему подавай главное – результаты работы геологов. А они заключаются в метрах проходки, в освоении новых площадей, наконец, в фонтанах нефти. Но она поймала себя на том, что Таня интересуется этим не из праздного любопытства. Чем подробнее она будет знать обо всем, что связано с поиском нефти, тем больше сможет написать. «Вот хитрюга, – подумала о ней Светлана. – Такая будет гнать строчки в газету, как автомат».

После долгой беседы Федякин провел девушек по буровой, показал насосное хозяйство, дизельную. Со стороны можно было подумать, что буровой мастер делится опытом с такими же специалистами, как он. Парни, бывшие в это время на вахте, с откровенным любопытством рассматривали журналисток. Женщин в буровые бригады не берут, здесь работают только мужчины. А вахта длится целую неделю. За это время многие начинают скучать по женщинам. Один из них, не выдержав, подошел к Татьяне и сказал:

– Оставайтесь на вечер, устроим танцы.

Но Федякин так зыркнул на него сердитыми глазами, что тот сразу же отошел в сторону. Потом буровой мастер повел их в столовую, которая располагалась в вагончике. Обед Тане понравился.

На ночь Федякин уступил девушкам свой балок. Перед тем как уйти, натопил железную печку до того, что ее бока стали малиновыми. Затем принес с улицы охапку поленьев, аккуратно сложил их у порога.

– Если замерзнете перед утром, подбросьте дровишек. – Он кивнул на поленья. – Печка остывает в два счета. Особенно в такие морозы, как сейчас.

Федякин ушел. Татьяна стянула с себя теплую кофту и юбку, залезла под стеганое одеяло. Светлана закрыла дверь на крючок, выключила свет и легла рядом. Однако сон не шел. Впечатлений было столько, что им требовался выход. Первой заговорила Татьяна.

– Не могу представить, – она смотрела на темное окно и невольно хмурилась, – восемь детей, один меньше другого, увозят вместе с родителями в совершенно дикие места... Семеро из них умирают. И у Федякина две сестры умерли... «Северная звезда» о нем часто писала?

Светлана, вспоминая, пошевелила пальцами, вроде бы загибая их по счету, потом пожала плечами:

– Не помню, ей-богу, не помню. Вообще-то часто. О геологах мы пишем все время.

– И о том, что он рассказывал нам сегодня?

– Ты имеешь в виду ссылку? Об этом мы не писали. Тут ведь кругом одни ссыльные. Да и потом, правильно сказал Федякин. Зачем все время заикливаться на этом? Надо думать о будущем.

– Но без прошлого нет будущего, – сказала Татьяна.

– Это правильно. – Светлана закинула руки за голову. – Но ведь в нашем прошлом были не только одни ссылки.

– Конечно, не только, – ответила Татьяна. – И хорошего было дай бог. Гораздо больше, чем плохого.

– Скажи, а у тебя есть братья и сестры? – Светлана, решив переменить тему разговора, повернулась лицом к Татьяне.

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что у меня их куча. В нашей семье десять детей.

– Да ты что? – удивилась Татьяна.

– А чего тут удивительного. Мать с отцом постарались. Жили в избе, где были кухня и комната. Так что я всего насмотрелась. До сих пор детского визга слышать не могу. А от запаха пеленок прямо воротит.

Последние слова Светлана произнесла с такой решительностью, что Таня невольно спросила:

– Что, и своих детей заводить не собираешься?

– Не знаю, – рассмеялась Светлана. – Я ведь уже разок замужем побывала. На второе замужество надо решиться. Да и парня хорошего найти не так-то просто.

Это откровение оказалось для Татьяны совсем уж неожиданным. Она никогда не думала, что подруга уже успела побывать замужем. Светлана нисколько не походила на степенную женщину. И квартира у нее больше напоминала комнату в общежитии, чем семейный очаг.

– А почему вы разошлись? Он тебе изменил, или ты его разлюбила? – спросила Таня, считавшая, что только эти две причины могут быть поводом для развода.

– Нет, не изменил. – Светлана погладила одеяло на груди ладонью. – А что касается любви, то даже не знаю – любила ли я его когда-нибудь.

– Зачем же тогда выходила? – удивилась Таня.

– По собственной дурости. Была тут у меня одна история. Да и боялась пролететь преждевременно. Замуж надо выходить чистой, чтоб никаких упреков потом не было. – Светлана приподнялась на локте и спросила: – Ты, случайно, не того?.. Не пролетела?

Таня рассмеялась. Вспомнила отца, работавшего военпредом на заводе, и мать, преподававшую в школе географию. Ученики ее любили, и это позволяло матери считать себя незаурядным воспитателем. От дочери она требовала не просто послушания, а понимания родительских требований. Потому что была убеждена: родительские требования всегда справедливы. Отец, как человек военный, главным в воспитании считал привить ребенку чувство ответственности за свои действия.

Родительские отношения к вопросам воспитания казались Тане одинаково занудными. Когда она была подростком, часто пользовалась положением единственного чада. Иногда криливо капризничала, но, покапризничав, уступала, так как была ребенком неглупым, интеллигентным и, главное, не своенравным.

В раннем детстве подруг дочери выбирала мать. Но время шло, и Татьяна обрела самостоятельность. Однажды Вера Павловна по старой привычке попыталась вмешаться. На это Татьяна возразила (тогда ей было уже около шестнадцати), несколько резонируя:

- Мама, роль унтер-офицерской вдовы тебе не к лицу.
- При чем здесь унтер-офицерская вдова? – нахмурилась мать.
- Меня воспитываешь ты. И если боишься, что кто-то может повлиять на меня отрицательно, значит, воспитываешь плохо.
- Однако, – засмеялась мать, – ты, оказывается, растешь, а я этого не замечаю...

Как-то Татьяна задержалась у Вальки Дробышевой и пришла домой за полночь. Переволнованная мать встретила ее словами резкими и несправедливыми. Хотя и говорила Вера Павловна обиняками, Татьяна поняла все как надо и ответила прямо:

– Мама, не надо тратить так много слов. Помнишь, ты сказала, что я расту, а ты этого не замечаешь. Так вот: я уже совсем выросла, мама. И ты должна понять: если я захочу сделать это, я это сделаю до двенадцати. Если не захочу, то не сделаю и после полуночи. Я не хочу. Даю тебе честное слово...

Сейчас, вспоминая тот давний разговор, Татьяна молчала, и Светлана, не дождавшись ответа на свой вопрос, расценила ее молчание как подтверждение догадки.

- Значит, пролетела, – сказала она, многозначительно покачав головой.
- Да нет, – сказала Таня. – Хотя возможность такая была.

...Оформилась Татьяна лет в пятнадцать, может, чуть позже. До этого была ни то ни се. Внимания заслуживали только ноги. Татьяна это знала и знанием своим кокетничала. Иногда, очень старательно привлекая внимание подружек к своим ногам, вроде бы смущенно жаловалась: «Кругом одни коленки, и растут прямо из-под мышек, все время боюсь, что задену за них локтями». Кто-то из подруг молча вздыхал, другие завидовали открыто. Длинные ноги – это ах! Длинные ноги – это ох! А если к ним прилагается смазливое личико, тогда «ах» и «ох» одновременно. Здесь тебе прямой путь в манекенщицы. А манекенщица не для одного девичьего сердца – желание заветное. Единственная ей соперница – киноактриса. Но эта фантазия такая яркая, что смотреть на нее и то больно.

Все девочки их класса влюблялись в киноартистов. То в Юрия Кузнецова, то в Жана Марэ, то в Вячеслава Тихонова. Татьяна влюблялась вместе с классом. Но артисты были иллюзией, любовью кумирной, когда чувством руководит не что-то душепоглощающее, а та роль, которую играет актер. Татьяна из забав коллективной влюбленности вышла раньше своих сверстниц. То ли потому, что была начитаннее, то ли потому, что быстрее взрослела.

Отказалась Таня от игры и сразу потеряла подруг. Тогда она стала искать друзей из мальчишек. Но и здесь ей не посчастливилось. Будь она незаметной или просто смазливой, ей, может быть, такая дружба и удалась. Но Татьяна была красива. Уже одно это обстоятельство бескорыстие юношеской любви исключало. Дело кончалось влюбленностью, как Татьяна про себя иронизировала – «вздохами при луне», и в конечном счете отдалением, а то и ссорой. Одноклассникам, видимо, тоже поднадоело коллекционирование влюбленностей, и в классе стали образовываться парочки. Татьяна определенную фигуру себе не искала, потому что уже пробовала дружить и знала, чем это кончается.

Так все в жизни Татьяны складывалось до тех пор, пока в их девятом «Б» не появился Аркаша Воеводин, узаконенный премьер школьной художественной самодеятельности. Помимо самодеятельности, Аркаша играл в футбол и занимался гимнастикой. Многие девчонки вздыхали о нем, ходили на матчи, в которых играл Аркаша. И хотя они страстно болели за него, ни одну из них он не удостоил своим покровительственным взглядом. Все ждали появления новой пары. И она возникла.

Татьяну много раз приглашал на каток одноклассник Леша Городилов. Она все время отказывалась, но однажды согласилась. Прокатившись с десятков кругов, они сели на скамеечку

отдохнуть. С шуршащим шипением, картинно цепляя лед носками своих «бегашей», к ним подкатил Аркаша. Тормозя, намеренно окатил Лешу каскадом ледяной пыли и, потрясая над головой руками, продекламировал:

– А вы кого себе избрали, когда подумаю, кого вы предпочли?..

Татьяна промолчала, подвинувшись на краешек скамейки. Аркаша сел рядом, начал о чем-то говорить. Татьяна думала, что он возьмет ее за руку и увезет от Алексея. Но он укатил один. Таня, для которой партнер неожиданно стал в тягость, пожаловалась, что устала, и пошла, попросив ее не провожать. Алексей, конечно же, понял, почему она сникла, и сказал с усмешкой:

– Не думал, что ты такая... хлипкая.

Татьяна, которой почему-то стало жалко себя, сказала:

– Дурак ты, Лешенька.

Подумала секунду-другую, хотела что-то добавить, но только молча махнула рукой и направилась в раздевалку.

На следующий день все образовалось. Аркаша подошел к ней и развеял ее сумрачность.

– Ты извини, что я тебя вчера не пригласил кататься. У меня...

– А я бы с тобой и не пошла, – перебила его Таня.

Сказала она это так быстро, что самой стало смешно, и она на всякий случай добавила: «Ха-ха».

Аркаша нашелся мгновенно:

– Я так и думал. Ни за что Ростовцева со мной сегодня не поедет. Другое дело – завтра.

Так вот и образовалась в девятом «Б» еще одна пара.

Осенью старшеклассников направили в колхоз убирать урожай. Для проживания школьникам отвели клуб или, как его здесь называли, дворец культуры. Руководителем от школы направили учителя физкультуры Николая Алексеевича Данилина. То ли потому, что у него оказался мягкий характер или в педагогике он был не очень силен, а скорее всего, потому, что школяры почувствовали себя совсем созревшими и к тому же у них был лидер Аркаша Воеводин, который личную зрелость подчеркивал на каждом шагу, начали ребята ходить «наискосяк». Курили в открытую, даже в присутствии Николая Алексеевича, стали баловаться сивухой, благо у здешних хват-хозяек она стоила гроши.

Девчата со своими «мужиками», по просьбе Николая Алексеевича, проводили воспитательную работу, но какую-то вялую и нетребовательную. Какой из них не хотелось видеть в своем ухажере парня покруче...

Татьяна в гулянках ребят тоже особой беды не находила и на Аркашины переборы смотрела сквозь пальцы.

Однажды ребята где-то подзадержались и в клуб не вошли, а ввалились. Колька Павлов после короткого стука в девичью комнату вошел без стеснения. Таня уже собиралась укладываться. Колька подошел и, как ей показалось, криво усмехаясь, сказал, не глядя в глаза:

– Аркаше плохо, он на крыльце. Просит, чтоб ты вышла...

Татьяна наскоро зашпилила волосы, накинула на плечи телогрейку и вышла. Августовская ночь была теплой и таинственной. Бриллиантовые звезды усыпали черное небо. Над краешком невидимого горизонта чуть виднелся красный, раскаленный осколок луны. На его фоне Аркаша сидел черным силуэтом на ступеньке крыльца, чуть ссутулившись. Он даже не оглянулся на скрип двери, словно знал, что кроме Татьяны выйти некому.

– Иди сюда, – тихо позвал он.

Татьяна подошла, села рядом. Он взял ее за руку и предложил:

– Пойдем погуляем.

И они пошли. Догадывалась ли она, что было у Аркаши на уме? Скорее всего, да, но уж очень верила силе своего убеждения, а в свою стойкость – еще больше. И тогда, когда они

подошли к речке, верила. И когда Аркаша, надергав из стожка сена, повалился на подстилку и потянул за собой Татьяну, все еще верила. Испугалась только тогда, когда, расстегнув кофточку, он обнажил сначала одну ее грудь, затем другую и стал целовать их в засос своими мокрыми губами. Она, отдергивая его руки, шарившие выше коленок, как ей казалось, убедительно заявила: «Сейчас же прекрати! Я буду кричать!» Но слова эти прозвучали так жалобно и беспомощно, что Аркаша только улыбнулся. Он был опытен, этот змеюка, и когда добрался до трусиков, не стал их стягивать, а дернул, разрывая боковину.

Татьяна отбивалась молча, но чувствовала, что с каждым мгновением становится все слабее. Собрав последние остатки воли, простонала: «Ну, Аркаша, ну не надо»... И тут произошло неожиданное. Оторвавшись от груди, Аркаша попытался поцеловать ее в губы. На нее пахло таким омерзительным сивушным запахом, смешанным с табачной отрыжкой, что она мгновенно пришла в себя. Ее правая рука каким-то образом запуталась в ее же волосах и наткнулась на заколку. Татьяна вытащила ее и с садистским удовольствием воткнула во что-то мягкое и податливое. Вытащила и еще раз воткнула.

– Ах ты, сука! Целка ржавая! – Аркаша, скатившись на сено, наотмашь ударил Татьяну по лицу. Хотел ударить еще, но она вскочила и побежала. Он за ней не погнался.

Татьяна пришла в себя только на окраине поселка. Она остановилась, застегнула кофточку, поправила юбку, сняла и сунула в карман порванные трусики. И только после этого успокоилась совершенно. Когда подходила к клубу, увидела группу ребят. Они курили, что-то оживленно обсуждали и при этом смеялись. Заметив Татьяну, уставились на нее и дружно замолчали. Она поняла, что была для них лотерейным билетом, разыгрывавшимся в эту ночь. Она рассвирепела до дрожи и, выделив, как ей представлялось, самого заинтересованного, сказала, обращаясь непосредственно к нему:

– Успокойся, Коленька, спектакль не состоялся. Вы бы пошли к Аркашеньке, ему там очень плохо.

Сейчас она вспоминала эту историю почти равнодушно. С Аркашей она больше не встречалась и благодарила бога, что все так обошлось. Пролететь с ним было бы несчастьем. После школы Татьяна поступила в университет, а Аркашу взяли в футбольную команду. Через два года его отчислили за нарушение спортивного режима. В переводе на понятный язык это означало за пьянку. С тех пор она его не видела.

Таня никому не рассказывала эту историю и сейчас хотела рассказать ее Светлане. Но что-то удержало ее. Она подумала, что откровениями можно делиться до определенной грани. У каждого есть своя тайна, которая остается до конца жизни. Эта тайна, по всей видимости, относится к таким...

В Андреевское девушки вернулись на следующий день к вечеру. За все это время Таня ни разу не вспомнила об Андрее. Только на подлете к аэродрому, увидев стоявшие на земле Ан-2, подумала, что так и не поужинала со знакомым пилотом. Подумала без особого сожаления. Хотя сегодня это было бы как нельзя кстати, потому что при одной мысли о гостинице на нее напала тоска. В том, что редактор закажет ей там место, она не сомневалась.

Из вертолета к аэродромной калитке Таня шла, опустив голову. И вдруг почувствовала, что кто-то сгреб ее в объятия, притиснул к себе и, оторвав от земли, начал кружить.

– Что вы себе позволяете! – сердито крикнула Таня, подумав, что ее схватили по ошибке, уперлась кулачком в грудь не в меру шаловливого человека и увидела прямо перед своими глазами сияющее лицо Андрея. Он поставил ее на землю и, радостно выдохнув, произнес:

– Я ищу вас два дня. Звонил в Таежный, но и там не нашел. Куда вы сейчас?

Таня пожала плечами и сказала:

– В гостиницу. Куда же еще?

Светлана, молча наблюдавшая эту сцену, отодвинула Таню рукой и, встав между ней и Андреем, решительно заявила:

– Никакой гостиницы, Татьяна будет ночевать у меня.

Татьяна, уже смирившаяся с тем, что ей придется поселиться в гостинице, которая, по всей вероятности, ничуть не лучше никольской ночлежки, нерешительно посмотрела сначала на Андрея, потом на Светлану. Та нервно дернулась и сказала:

– Чего ты на меня так смотришь? В гостинице ни переодеться, ни выспаться как следует. Ночевать будешь у меня. – И, отвернувшись от нее, кивнула Андрею: – У тебя есть еще какие-нибудь вопросы?

Андрей, все еще находившийся в радостном возбуждении от встречи с Татьяной, сказал:

– Вопросов нет, есть душевная просьба. Пригласите меня в гости.

Светлана странно посмотрела на него, шевельнула губами, то ли пытаясь отказать, то ли спросить. Татьяна так и не поняла. Но ей подумалось, что она неспроста так неприязненно отреагировала на радость Андрея. Скорее всего, между ними что-то было. Но размышлять об этом не было времени. Она видела, что Светлана не хочет приглашать Андрея. Поэтому вмешалась:

– Только не сейчас. Нам надо привести себя в порядок.

– И сколько вам на это потребуется? – тут же откликнулся Андрей.

– Часа два, по меньшей мере. Ты как считаешь? – Она посмотрела на Светлану.

Та пожала плечами, и это еще больше укрепило Татьяну в предположении, что новой ее подруге и Андрею есть что скрывать. Когда шли к Светлане, она прямо спросила ее об этом. Светлана отделалась туманной фразой:

– Андреевское – село небольшое, здесь каждый знает каждого. Андрей – парень видный, и у любой девчонки в отношении него свои планы. А то, насчет чего ты, может, думаешь, нет, в этом смысле ничего не было. – И, удивившись заинтересованности подруги, спросила: – А ты-то его откуда знаешь?

– Когда мы летели сюда, он меня просто спас, – простодушно ответила Таня. – Дал свой полушубок, чтобы я не замерзла. И командир его человек, по-моему, хороший.

Светлана посмотрела на нее, качнула головой и ничего не сказала. Но Таня прочитала в ее взгляде: быстро же ты разобралась во всех наших делах.

Когда пришли домой, Светлана не торопясь прибрала в комнате, повесила в шифоньер все лишнее, перестелила кровать. Потом они согрели в ведре воду и, насколько позволяла обстановка, ополоснулись. Андрей явился ровно через два часа. По всему было видно, что он спешил. Его взгляд светился, меховая летняя куртка была расстегнута, из-под сбившейся набекрень шапки выглядывал русский чуб. Он прошел к столу, выложил из портфеля два кружка краковской колбасы, несколько консервных банок, коробку конфет. А затем поставил на вышитую скатерть две бутылки шампанского.

– Надеюсь, хлеб у вас есть?

– Зря надеешься, – ядовито ответила Светлана. – Откуда ему взяться, если нас двое суток не было дома?

– В голову не пришло. Ладно, сам виноват. – Он взглянул на часы. – До семи успею.

Пока Андрей бегал за хлебом, девушки накрыли стол. Нарезали колбасу, выложили из консервных банок на тарелки импортную ветчину и печеночный паштет. Светлана сняла с гвоздя гитару и положила ее на кровать. Потом снова повесила гитару на стену. Тане показалось, что она хочет создать в комнате уют.

Вернулся Андрей, положил на стол хлеб.

– Еле успел, – сказал он, переводя дыхание. – Наши торгаши взяли моду закрываться за двадцать минут до срока. – И обратился к Светлане: – Ты бы пропесочила их в своей газете за такую привычку. – Взял бутылку шампанского, раскрутил проволочку, раскачал пробку, и она потихоньку стала выходить из горлышка. Татьяна зажала уши, пояснила:

– Не люблю, когда стреляют.

Пробка глухо хлопнула, Андрей быстренько разлил по стаканам пенящуюся жидкость. Поднял свой стакан и, переводя взгляд с Тани на Светлану, сказал:

– Давайте выпьем за то, чтобы нам всем было хорошо.

– Так не бывает, – заметила Светлана, покачивая в руке свой стакан. – Хорошо бывает только двоим.

– Может, ты фамилии назовешь? – не вытерпев, съязвил Андрей.

– И все-таки за то, чтобы всем нам было хорошо, – поддержала Татьяна Андрея. – И двоим может быть хорошо, и десятерым...

У самой Татьяны настроение было не просто хорошим, а радостным. И потому, что сегодняшний вечер, рисовавшийся скучным, неожиданно стал праздничным, и потому, что в ушах звучало признание Андрея: «Я вас искал два дня». Она чувствовала, что нравится ему, и ей было приятно находиться в его компании. И уже не случайным знакомым казался ей этот парень, а давним другом. Она не раз замечала это за собой. Иногда встретит человека впервые, а возникает такое чувство, будто они знакомы много-много лет и знают друг о друге буквально все. Еще не успели произнести несколько фраз, а между ними установилось внутреннее доверие. Может быть, для этого было достаточно обменяться взглядами или нечаянно прикоснуться друг к другу. Татьяна не знала, почему это происходит, но это было так.

Вторую бутылку шампанского пришлось пить при свече, потому что в поселке погас свет. Светлана сняла с шифоньера подсвечник со свечой, пояснила Татьяне:

– Это у нас почти каждый вечер. Дизелю в обед сто лет, работает от ремонта до ремонта.

Андрей наполнял стаканы аккуратно, старался, чтобы пена не поднималась над ними шипящей шапкой.

– А мне наливай, чтобы шипело, – сказала Татьяна. – Когда шампанское шипит, будто что-то тебе шепчет...

Андрей наклонил бутылку, и над Таниным стаканом возникла пена. Таня припала к ней губами и засмеялась. Все подняли свои стаканы и выпили. Каждый произнес какую-то фразу, но вскоре разговор смолк. Светлана понимала, что он ведется не для нее, и стала нервничать. Татьяна, почувствовав это, сникла. За столом никак не удавалось наладить непринужденную атмосферу, хотя вроде бы ничто не омрачало ее. Наоборот – свеча придавала обстановке романтизм и некоторую таинственность. Но какой бы разговор Андрей ни начинал, Светлана его не поддерживала. В их общении проглядывала скрытая неприязнь. Андрей не мог перебороть этого, поэтому встал из-за стола и снял со стены гитару.

– Сейчас Андрюша с концертом выступит, – съязвила Светлана.

Таня не выдержала. Отодвинув стакан, она сказала:

– Не порть вечер себе и мне. Если уж пригласила, наберись терпения.

Андрей, не обращая внимания на язвительность Светланы, вальяжно развалился на стуле, тронул пальцами струны и сказал:

– Она у нас солистка, поэтому не любит, когда главные роли достаются другим.

– Ладно тебе, – беззлобно огрызнулась Светлана. – Лучше действительно что-нибудь спой.

Он взял несколько аккордов, подстроил струны и запел:

Татьяна, помнишь дни золотые,
Кусты сирени и луну между аллей?
Татьяна, помнишь грезы былые,
Тебя любил я, не вернуть прошедших дней.
Упали косы душистые, густые,
Свою головку ты склонила мне на грудь...
Татьяна, помнишь дни золотые?

Весны прошедшей мы не в силах вернуть.

Голос у Андрея был не сильный, но приятный. Тенор не тенор, баритон не баритон... Был он как раз для небольшой комнаты.

– Это чья песня? – тихо спросила Татьяна, когда Андрей замолк и потянулся за шампанским. – Я ее никогда не слышала...

– Ее многие не слышали. Ты и о певце, наверное, не слышала... Петр Андреевич Лещенко.

– А ты-то о нем давно услышал? – усмехнулась Светлана.

– Да хватит вам. Что вы как кошка с собакой, – не выдержала Татьяна.

Песня ей понравилась. Не потому, что посвящалась какой-то Татьяне, то есть в исполнении Андрея – ей лично. Понравилась мелодия, уводящая в прошлое и рожающая в душе грусть. Песня то ли забытой, то ли отвергнутой любви. И она спросила:

– Ты еще что-нибудь Лещенко знаешь? Спой.

– Что-нибудь под настроение? – спросил Андрей, не сводя с Тани ласкового взгляда.

– Настроение у нас не у всех одинаковое, – сказала Светлана. – Спой, что тебе самому у этого Лещенко больше всего нравится.

Андрей перепробовал несколько фокстротных начал, но ни на одной мелодии не остановился. Потом вдруг заиграл неизвестный Татьяне мотив и запел:

Здесь под небом чужим я как гость нежеланный,
Слышу крик журавлей, улетающих вдаль.
Сердцу больно в груди видеть птиц караваны,
В дорогие края провожаю их я.

Минуту-другую все трое молчали. Потом Татьяна спросила:

– Лещенко сейчас живой? Почему о нем ничего не слышно?

– О нем давно ничего не слышно, – ответил Андрей. – Петр Лещенко умер в начале пятидесятых.

– Он из эмигрантов? Откуда ты о нем знаешь?

– От дяди. Он рассказывал, что еще до войны пластинки Лещенко и Вертинского на рынке стоили столько же, сколько велосипеды.

– По-моему, Вертинский в Россию вернулся? – попыталась вспомнить Татьяна. – А Лещенко?

– Лещенко в Румынии остался. Там он и умер. В тюрьме. Дядя после войны привез из Румынии два альбома его пластинок.

– Два альбома пластинок – это же тяжело. А у нас Лещенко не выпускали?

– У нас его пластинки на «ребра» переписывали, – сказал Андрей.

– На какие ребра? – не поняла Татьяна.

– На использованную рентгенпленку.

– Это верно, – подтвердила Светлана. – У меня такие пленки были. Только не Лещенко, а Вертинского. Я сама крутила их на проигрывателе.

Татьяна все еще была под впечатлением песен. И ни к кому, пожалуй, не обращаясь, а только отвечая собственным мыслям, грустно сказала:

– Действительно, «умом Россию не понять». Уехал человек за границу и вроде перестал быть русским. Тот же Лещенко...

– Что ты заиклилась на Лещенко? – усмехнулась Светлана. – А Шаляпин? А Бунин, лауреат Нобелевской премии? Пушкин, по-моему, говорил: «Славой предков гордиться не только можно, но и должно»... Вот мы и гордимся...

Разговор перешел на знаменитостей, которые были в эмиграции и которые не были. И вдруг вроде бы случайно (хотя давно держал это предложение в уме) Андрей «вспомнил»:

– Мы завтра летим к рыбакам-хантам на одно богом забытое озеро. Не хотите слетать с нами?

– Я, например, нет, – сразу отказалась Светлана. – Мне надо репортаж из экспедиции писать. А насчет Тани не знаю. – Татьяна вопросительно посмотрела на подругу. Та посоветовала: – Я бы согласилась. Такая возможность за всю твою оставшуюся практику может не представиться.

– А редактор? – нерешительно спросила Татьяна.

Светлана, как показалось Татьяне, улыбнулась с подтекстом:

– «Северная звезда» переживет. К тому же ты не наша кадра. А «Приобская правда» только обрадуется. Вдруг ты для них что-нибудь откопаешь?

Андрей снова тронул струны гитары. Девушки замолчали. Музыка создавала в комнате особую атмосферу. Даже Светлана подобрела и уже не перебивала других своими колкостями. Андрей много пел в этот вечер. После Лещенко он исполнил несколько цыганских песен, потом пел Окуджаву. Наконец он отложил гитару и, глубоко вздохнув, встал. Татьяна поняла, что он собрался уходить, и расстроилась.

– У меня завтра утром комиссия, Танечка, – заметив грусть в ее глазах, произнес Андрей. – Летчики перед каждым полетом проходят медосмотр. Так что надо быть в форме. Но если ты серьезно решила лететь к рыбакам, я жду тебя в восемь утра у здания аэропорта.

– Конечно, серьезно, – ответила Таня.

Андрей начал прощаться. Когда Таня подала ему руку, он поднес ее к губам и поцеловал. Едва он закрыл за собой дверь, Светлана с досадой сказала:

– Влюбился он в тебя по самые уши.

Таня чувствовала, что у нее учащенно стучит сердце. За сегодняшний вечер Андрей ей стал небезразличен, хотя она и боялась признаться себе в этом. Погладив то место на ладони, к которому он прикасался губами, Таня ответила, чтобы успокоить не столько Светлану, сколько саму себя:

– Я живу в Свердловске, а он на краю света. Здесь может быть любовь только по переписке. А я в нее не верю.

Светлана молча прошла к кровати, забралась на нее с ногами, обхватила колени руками и уставилась в одну точку. Она думала о том, что в личной жизни ей снова не повезло. После университета Светлана сама напросилась в Андреевское. Подруги бились за места если не в самом Томске, то во всяком случае в городах, а Светлана рассудила иначе. В то время на Севере стали добывать первую нефть и в те места началось паломничество. Возникла двойная перспектива. Во-первых, заманчивое замужество, во-вторых, подходящая зарплата.

Учительствовать не пришлось: Светлану сразу взяли инструктором в райком партии. К ней (она «сидела» на культуре) шли люди в основном интеллигентные. Были среди них умные, по-своему интересные, были, конечно же, и поднаторевшие в лести. Некоторые относились к Светлане с явной симпатией, а Матвей Петрович Плясуля, заведующий районным Домом культуры, по его уверениям, не мог без Светланы жить. Она не столько думала о любви, сколько о замужестве. И, казалось, все к тому шло.

Но здесь, совсем некстати для Матвея Плясули и, как впоследствии оказалось, для Светланы Ткаченко, в райцентре появился Андрей Рощупкин. По профессии пилот, по стати – Илья Муромец с известной картины Васнецова, по красоте – вылитый Алеша Попович. Знала о нем Светлана совсем немного: жил в Красноярском крае, охотничал, потом окончил в Бугуруслане училище гражданской авиации и теперь работает вторым пилотом у Василия Ивановича Ковалева. Сведения, конечно, невелики, но Светлану большее и не интересовало. Зато потянуло ее в художественную самодеятельность, на концертах которой Андрей выступал солистом-гитари-

стом. Где он научился играть, неизвестно, но, по общему признанию, играл хорошо и исполнял такие задушевные песни, которые сражали наповал не только Светлану. Сама Светлана была артисткой даже меньше, чем «так себе». Зато в райкоме ведала культурой. К тому же благожелательное отношение к ней Матвея Петровича Плясули... Поэтому, хотя и не определили ее в примадонны, негромкие роли доверяли.

Может, Светлане только мнилось, а может, и на самом деле она безумно влюбилась, но так или иначе свадьба ее с Матвеем расстроилась. Причину она от отставленного жениха не скрыла. И он пошел объясняться к Андрею. Тут-то и открылась пикантная подробность.

– Подожди, – сказал Андрей Плясуле. – Я ничего не понимаю. Ну, расстраивается у вас со Светланой, а я-то при чем?

– Она говорит: у вас любовь...

– С чего это вдруг? Я ее пару раз проводил из клуба. Не помню, может, даже поцеловал на прощание в щеку... Ну и что?

После этого у Андрея состоялось тягостное объяснение со Светланой, которое ни к чему не привело. Дружеские отношения Матвея и Светланы не восстановились, и все пошло у нее под откос. Она, вроде бы назло Андрею, вышла замуж за зубопротезиста. Однако скоро выяснилось, что не вышла, а, по местному выражению, только «сбегала». Скромный с виду протезист, оказывается, частенько впадал в запой, и жить с ним было хуже каторги. Разошлись они со скандалом, и после этого бывший муж стал рассказывать о бывшей жене всякие небылицы. Когда они дошли до райкома, Светлану послали заведовать отделом писем в редакцию районной газеты.

Какое-то время во всех своих бедах Светлана винила Андрея. К самостоятельности она охладела и с Андреем встречалась лишь в случайных компаниях. Иногда в шумных и почти никогда – в малочисленных, таких, например, как сегодня. Андрей старался вести себя ровно, а Светлану время от времени заносило. Особенно когда Андрей, по ее мнению, «забрасывал сети». Женщине всегда неприятно, если мужчина, к которому она относится с симпатией, отдает в ее присутствии явное предпочтение другой. Сейчас, взвинчивая себя мыслью, что Андрей все делает ей назло, она только и ждала момента, чтобы озлобиться открыто.

Андрей же, для которого в этот вечер действительно существовала одна Татьяна, все делал только для нее, а совсем не в пику Светлане. Делал искренне, без рисовки. Он вообще хитрить не любил и, когда все-таки хитрить случалось, чувствовал себя не в своей тарелке. Но так как ловчить ему приходилось перед людьми, которые сами были ловкачами, то притворство особенно не тяготило, и перед собой он оправдывался без усилий. Андрей был парнем башковитым, и, разумеется, понимал, что в его присутствии Светлана заводится, но это, рассуждал он, ее личное дело. Он правильно считал, что она отказала Матвеем Плясуле, а потом неудачно выскочила замуж по собственному капризу. Когда он говорил Матвеем, что не помнит, целовал ли Светлану, прощаясь у калитки, он не обманывал ни Матвея, ни себя. Потому что в самом деле не помнил. Поцелуи памятливы только тогда, когда делаются по любви. А если ты походя чмокнул кого-то в щеку, то со временем такой поцелуй можешь и не вспомнить. Он никого ни к чему не обязывает.

Сегодняшний вечер Андрей рисовал себе совсем не так, как он сложился. У пилотов в Андреевском была своя ведомственная гостиница, оборудованная намного лучше районной. В ней был даже номер для начальства. Номер пустовал, и Андрей договорился с директором устроить Таню там. Почему в нем родилось такое желание, он не знал. Так же, как не знали, не знают и не будут знать таинство зарождения чувства все когда-либо жившие, живущие и те, которым еще предстоит жить. А вот момент, когда захотелось «достать с неба звездочку», Андрей запомнил. Потребность сделать для Татьяны то, чего она не ждет и ждать не может, возникла у него после того, как новая его знакомая, расставаясь у редакции, сказала: «Позвони ближе к вечеру». С этого самого момента он с нетерпением стал ждать вечера. Едва отойдя

от редакции, купил в газетном киоске «Северную звезду» и выписал в блокнот редакционные телефоны. Звонить начал сразу после обеда. Позвонил по одному номеру, никто ему не ответил. Позвонил по второму – то же самое. Тогда он обратился напрямик к редактору. Тот даже не поинтересовался, кто звонит, сухо сообщил:

– Ростовцева в командировке. Звоните послезавтра.

Куда Татьяна полетела, с кем, на сколько, Андрей узнал у редакционной машинистки Натальи.

Наталье было восемнадцать лет. Она еще не распустилась, и непонятно было, распустится ли. Уж очень невзрачный был бутон. Угловатая, какая-то шарнирная, с острыми локотками и коленками, с острыми ключицами. Заверни все это в самую дорогую и модную упаковку, все равно останется как есть, доска доской. Наталья свою неуклюжесть очень переживала и потому вела себя, как она считала, независимо. В ее представлении независимость означала несогласие с любым-всяким. Для нее не было никаких авторитетов. Единственным человеком, для которого делала исключение, выслушивала его до конца и не только выслушивала, но порой с его мнением соглашалась, была Светлана. Поблажку Светлане Наташа делала совсем не потому, что считала ее отличной от других, а потому, что жалела. Она знала о Светланином романе (свои отношения с Андреем Светлана называла только так) лишь по рассказам героини и в полной мере этим рассказам сопереживала. Поэтому она убеждала себя, что Андрей ей неприятен, и, встречаясь с ним, искала, к чему бы придраться.

Когда Андрей спросил о Татьяне, Наталья не просто задохнулась, она оглохла от негодования. Выпускница Уральского университета, которая всего три часа назад была для нее чуть ли не небожителем, оказалась очередной обидчицей Светланы. Андрей никогда бы не спросил о человеке, который его не интересует как «предмет», решила Наталья и, конечно же, своего собственного мнения о личности практикантки скрывать не собиралась.

– А тебе чего эта ненормальная понадобилась? – с вызовом спросила она.

– Почему ненормальная? – опешил Андрей.

– Нормальная к нам в таких сапожках не поедет. – Наталья выставила ногу, обутую в Татьянин сапог, помотала носком. – В командировку приехала... Спасибо, Светлана ее одела. А то бы твоя фифочка совсем околела. Не Светка, в жизни бы этой доходяге свои пимы не отдала. – Наталья разжигала себя злостью и всеми теми обидами, которые нанес Светлане Андрей.

Она не хотела, да и не могла понять, что Андрею было совершенно безразлично, как к нему относятся Наталья и Светлана. В настоящий момент его интересовала только Татьяна.

– Куда они все-таки делись? Они со Светкой полетели?

– С кем еще? Сама она – тетя Мотя. Что такое буровая, и то не знает. Светлана повезла ее к Федякину.

– Когда прилетят?

– Должны послезавтра. Если ты такой добрый, пимы своей Танечке доставай сам. Мне мои самой нужны.

– Правильно. Наденешь их на руки и будешь ходить на четвереньках. Самое для тебя подходящее положение.

Что вопило ему вслед независимое существо, Андрей не слышал. Ему надо было обойти кое-кого из приятелей. Предупреждение, которое обронила Наталья со зла, он воспринял как еще одну возможность позаботиться о Татьяне. Приятелей у Андрея была половина поселка. Нашлись у них шерстяные носки, меховые рукавички, ушанка из ондатры. И даже унты из оленьего камуса. В общем, экипировки он набрал с большим запасом.

Уходя, Андрей хотел предупредить Татьяну, что о теплых вещах заботиться не надо – все есть. Но сказать об этом ни с того ни с сего вроде бы неудобно. Светлана и без того была на взводе, а тут могла сорваться и испортить Тане настроение на всю ночь. Совсем неожиданно

Светлана сама вывела Андрея из трудного положения. Словно подслушав его мысли, она сказала:

– Ты, подруга, решила лететь к рыбакам? А ничего у тебя, наверное, не получится. В сапожках не полетишь, а валенки, хочешь не хочешь, придется возвращать.

Но Андрей вмешался, не дав ей договорить.

– Не ломай голову, у меня все есть, – сказал он, и Светлана почувствовала в его словах радость. Он по любому поводу готов был услужить Татьяне.

Сейчас Светлана сидела на кровати и думала, что ей, наверно, никогда не добиться расположения Андрея. Слова Тани о том, что она не верит в любовь по переписке, Светлана не приняла всерьез. И чтобы остудить ее, она, после долгого молчания, сухо предупредила:

– Ты этому летуну не верь. Я на нем обожглась.

Татьяне было все равно: обжегся кто-то на Андрее или не обжегся. Любая девушка, которую заинтересовал парень, уверена, что только она сама может составить о нем правильное суждение, все остальное – от лукавого. Светлана это поняла, и в ней забродило копившееся в течение вечера негодование на чужую слепоту и самоуверенность.

Почувствовав внезапную симпатию к этой, как ей казалось, неустроенной и незащищенной девушке, она еще в редакции, во время первой их встречи, с горячей категоричностью решила, что по всем человеческим, а тем более журналистским канонам она обязана взять над ней шефство. Шуба и валенки, конечно, не такая уж и большая забота. С одежкой-обувкой Татьяне помогли бы и без нее. В том же райкоме партии есть и полушубки, и валенки, и унты. Настоящая забота – это не полушубки и валенки, это совсем другое. К сожалению, Татьяна этого не понимает...

А свеча горела себе да горела. Светлана три раза уже подрезала фитиль, снимая нагар. При этих ее движениях ровный желтый свет становился неверным, начинал метаться по стенам комнаты, высвечивая совершенно неожиданные предметы. В последний раз из темноты выпрыгнула и заметалась по стене тень от гитары, которую Андрей, уходя, прислонил к изголовью кровати. Несколько мгновений тень стремилась вверх и, казалось, вот-вот коснется потолка. Но ожившее под ножницами пламя успокоилось, и все двинувшиеся в самостоятельную жизнь тени притихли тоже и заняли каждая свое место. Татьяне гитарное отражение напомнило о недавних мелодиях, которые тут же связались с образом музыканта, и она спросила:

– Ты на гитаре играешь? И вообще на каком-нибудь инструменте играешь?

– Мне слон на ухо наступил, – глухо ответила Светлана. – А гитару мне подарили. У нас года три назад такая мода появилась: гитары дарить. Играет человек, не играет, а гитару ему в какую-нибудь памятную дату поднесут. Откуда такая мода взялась – не знаю...

– Интересно... В Челябинске тоже такая мода была. Да и сейчас еще осталась. Идет компания, все с рюкзаками. И почти к каждому рюкзаку приторочена гитара. Она создает настроение. Особенно в турпоходе.

Татьяну тянуло говорить, но она не знала, с чего начать, чтобы не обидеть Светлану. Она боялась сказать «что-то не то». Может показаться странным, что за два дня, которые они провели вместе, у них ни разу не зашел разговор об Андрее. Но до сегодняшнего вечера они даже не подозревали, что Андрей их общий знакомый. А оказывается, он был не просто знакомым.

В это время далеко за стенами дома раздалось торопливое «тух-тух-тух», словно там пытались оживить кого-то. Светлана приложила палец к губам, требуя тишины, и удовлетворенно сказала:

– Электростанцию запускают.

И тут же висевшая над столом под зеленым шелковым абажуром (только сейчас Татьяна обратила внимание на абажур и заметила, что он зеленый) лампочка несколько раз робко подмигнула и засияла ровным, напористым светом.

– Совсем другое дело, – удовлетворенно сказала Светлана.

– А по-моему, исчезла романтика, – прищурившись, сказала Таня. – До этого у меня было такое чувство, будто я ночевала в стогу свежего сена, дышала таким настоем, что никакой француз ни в каких своих духах не придумает, а меня перетащили на кровать, сунули под одеяло, и вся прелесть исчезла.

Светлана резко повернулась, какое-то время рассматривала Татьяну, потом колко спросила:

– Тебе в стогу часто приходилось спать?

– Не часто, но приходилось.

– Сколько за всю жизнь: раз, два, четыре?..

– Не знаю, – пожала плечами Татьяна. – Но раза три наверняка.

– С парнем? – Светлана впилась в нее взглядом, ожидая услышать то, что хотела.

– Да ты что, с парнем? – испуганно отшатнулась Татьяна. – Мы с девчонками спали на сеновале, когда на уборку в колхоз ездили.

– Какое же это спанье? – разочарованно протянула Светлана.

– Слушай, Светка, вы с Андреем жили? – дрожащим голосом спросила Таня. – Как муж и жена я имею в виду?

– В том-то и дело, что нет. Я сдуру за другого хлестанула. Насолить, видишь, хотела. – Светлана вдруг почувствовала себя до отчуждения одинокой и никому не нужной. – Ты как насчет «покрепче»? Не хочешь выпить?

– Нет, – сказала Таня.

– Ну и не пей. Ложись спать. Тебе завтра вставать рано.

Светлана достала раскладушку, постелила постель. Таня легла, накрывшись толстым ватным одеялом. За сегодняшний день у нее было столько впечатлений, сколько иногда не набиралось и за целый год. Она думала о Светлане, и ей было жаль ее. Тане казалось, что Светлана достойна лучшей судьбы. Но ее мысли тут же перескочили на Андрея. Им она не хотела делиться ни с кем.

Новый хозяин

Свой первый рабочий день Остудин начал с планерки, на которую пригласил всех начальников цехов и отделов. Они сидели перед ним за длинным столом, он поднимал каждого и просил доложить, чем занимается служба сегодня и что намечает сделать в течение недели. О более дальних перспективах спрашивать не было нужды, они становились ясными из ближайших действий. И сразу начались выяснения отношений, требования, обещания. Он словно был не в кабинете начальника нефтеразведочной экспедиции, а в своей родной конторе в Поволжье. И здесь, оказывается, кому-то чего-то не хватало, кто-то кому-то был должен.

Он молча слушал, отмечая по накалу претензий главные вопросы, в которые должен вмешаться. Прежде всего надо было побывать в вышкомонтажном и транспортном цехах. К ним претензий больше всего. Потом переговорить с начальником ОРСа. Остальное можно решать, как говорят в таких случаях, в рабочем порядке.

Закончив планерку, Остудин направился в цехи. Он предполагал завершить дела там до обеда. Но как только зашел к вышкомонтажникам, понял, что увяз надолго. Начальник цеха Базаров выложил перед ним такую кучу проблем, в которых черт ногу сломает. Пришлось разбираться с ними.

Из вышкомонтажного Роман Иванович пошел в цех транспортный. На его начальника, Николая Афанасьевича Галайбу, он обратил внимание еще вчера, при знакомстве в конторе экспедиции. Сегодня разглядел не торопясь. Крупный, круглолицый парень со светлыми волосами и неторопливым южнорусским говором. У Галайбы были длинные, отвисшие усы запорожского казака, и он время от времени оглаживал их ладонью.

– Давно вы здесь? – поинтересовался Остудин.

– Да уж третий год северные полностью получаю.

Остудин прикинул: полновесные северные надбавки выплачиваются после пяти лет работы. Следовательно, Галайба в экспедиции восьмой год.

– Не скучаете по Украине?

– Та я ж не с Украины, я с Кубани.

– Был сейчас у Базарова, – выдержав небольшую паузу, сказал Остудин. – Жалуется на вас. Не даете транспорт. Грузы перевозить не на чем.

– Робить лучше надо, а не шукать повинных. Станков готовых нема, вот он и шукает козла отпущення.

– Значит, транспорта хватает?

– Я ж не сказал, что его не треба, – живо отозвался Галайба.

– Понимаю, понимаю, – как мог серьезно принял его горячность Остудин. – Вот когда вы работали в... Где вы работали до Таежного?

– У совхоза Ильича.

– Так вот в совхозе Ильича вы по нужде в кусты ездили на трехтонке – столько у вас было избыточного транспорта. Так ведь?

– Та ни, – вскинулся было Галайба, но тут же понял, что к чему, и широко разулыбался. Пояснил: – Та я ж – начальник цеха.

В самом деле, где вы найдете такого начальника транспортного цеха, который сказал бы, что перевозочных средств у него в достатке? Конечно же, пяток, а лучше десяток новых автомобилей ему необходимы позарез. За восемь лет Николай Афанасьевич не помнил дня, чтобы его служба и буровые были полностью обеспечены оборудованием и материалами. Однако скважины бурили и даже открыли Юбилейное месторождение нефти. На торжествах по поводу этого события начальник экспедиции подчеркнул: «Несмотря на слабую работу транспортного цеха»...

– Если бы трошки помогли тракторами-болотоходами. Но нам их не дают... Барсов об этом министру писал...

Был такой случай. Измученный нехваткой транспорта, Барсов обратился к министру за помощью. Тот переправил письмо Батурина с визой: «Прошу решить положительно».

– Я не слухал, о чем они бачили, – сказал Галайба. – Тилько видел, шо лицо Николая Александровича стало як буряк и руки дрожали.

Батурин сказал, что производство тракторов у него еще не налажено. Тем более болотоходных. Я думаю, Батурин его крепко отматюгал.

– Жаль, что не налажено, – отозвался Остудин. – Очень даже жаль. Малина была бы, не жизнь. А пока проведи-ка меня по твоим заповедным местам, покажи, где что прячешь.

– Та каки ще заначки? Каждая гайка...

– Ладно, рассказывай... Казанская сирота.

Хозяйство Галайбы Остудину понравилось сразу. Чистенько все настолько, насколько может быть чистенько и прибрано в действующем цехе, который живет не на показ приезжим комиссиям. Особенно это бросилось в глаза, когда проходили участок по ремонту двигателей. По цементному полу не струились масляные потеки, не валялись ошметки солидола, на которых можно сломать ноги. Были, конечно, пятна, но засыпаны они песком, и ходить по ним можно без опаски. Как про себя отметил Остудин, «аккуратные пятна». Иначе говоря, те самые издержки производства, без которых рабочие площади не были бы рабочими. И заслуга в этом прежде всего начальника хозяйства. Ничья кроме. И вывод: Галайба на самом своем месте.

– Водителей хватает? – спросил Остудин, когда они закончили обход хозяйства.

– Шуткуете? – усмехнулся Галайба. – Выкручиваемся за счет переработок. Було б жилье, люди б приихалы.

Об этом Остудину говорили и буровики: будет жилье, будут работники. Не те, временные, готовые, как перекасти-поле, немедленно сорваться с одного места и перебраться на другое, а люди семейные, обстоятельные, которые приедут сюда не за запахом тайги и не за туманами. Трудиться приедут, открывать новые месторождения. И соответственно труду зарабатывать.

Когда Остудин вернулся в свой кабинет, первым делом спросил у Машеньки, нет ли срочных радиограмм с буровых или из объединения. Ему почему-то казалось, что Батурин обязательно должен был позвонить. Что ни говори, а ведь у Остудина сегодня первый рабочий день. Здесь, в поселке, ему приткнуться не к кому. А Батурин, прощаясь, сказал, что не забудет про нового начальника Таежной экспедиции... Узнав, что ни звонков, ни радиограмм не было, Остудин подумал даже с некоторым удовлетворением: «Ну и черт с ним, без него обойдемся».

Проходя мимо кабинета главного геолога, на всякий случай толкнул рукой дверь. Еланцев сидел за небольшим двухтумбовым столом, листал не то книгу, не то рабочий журнал. Поднял на Остудина глаза, немного суховато спросил:

– Ты по делу или по пути?

– Хочу кое-что прояснить, – сказал Остудин, переступая порог. – Сейчас был у Базарова. И вот что бросилось в глаза. Буровых станков у нас вроде бы не так уж мало, а работать нечем.

Остудин огляделся. Кабинет Еланцева был тесным. Развешанные по стенам геологические карты с начерченными на них контурами структур, перспективных на нефть и газ, как бы сближали и без того узкое пространство и создавали впечатление еще большей тесноты. Остудину в какой-то миг показалось, что, пробираясь к столу, он плечами раздвигает стены. Он обвел рукой кабинет и спросил не без иронии:

– А поменьше себе ничего выбрать не мог? Ты же все-таки главный геолог.

– Я этот кабинет из-за тепла выбрал. Зимой здесь очень уж уютно.

Стол, за которым сидел Еланцев, застилало толстое, прозрачное стекло. Под ним, чуть сдвинутый в сторону, лежал большой лист белой бумаги с напечатанными на машинке телефонами областного геологического объединения и Таежной экспедиции. А в верхнем левом углу

– фотография красивой светловолосой женщины. Остудин вспомнил разговор с Красновым и подумал: «Та или жена?» Заметив любопытствующий взгляд Остудина, Еланцев положил на фотографию книгу и заговорил, не давая Роману Ивановичу времени на посторонний вопрос:

– Видишь ли, в чем дело. Теоретически буровых станков нам хватает. Когда работали на Юбилейном, не было никаких проблем. Пробурил скважину, перетащил станок на полкилометра выше-ниже и принимайся за следующую. Каждая скважина давала нефть. Тут тебе план и по проходке, и по приросту запасов. А что теперь? – Еланцев открыл стол, достал сигареты, закурил. Сизое облачко повисло, растворяясь, посреди комнаты. Затем взял с подоконника маленькую указку и подошел к карте района. – Взгляни сюда. Одну скважину мы бурим на Моховой площади, вторую – на Оленьей. Расстояние между ними – пятьдесят километров. С Моховой нам надо перетащить станок на Трехбугорную. Всего-то тридцать верст. А на этих верстах четыре реки, пятикилометровое болото. Я уж не считаю ручьи и мочажины. У вас в Поволжье как? Погрузил станок на трейлер и двинулся в путь. А тут надо ждать января. Именно к этому времени болота и реки промерзают. От Оленьей до Белоярской двадцать километров, пройти их можно часа за три-четыре. А ты плюсани сюда еще пол-лета, осень... в общем, до января. Выходит, шесть месяцев с лишним техника стоит без движения. Заколдованный круг. Все условия для нормальной работы вроде есть, а без Деда Мороза ни шагу.

– Где же выход? – Остудин смотрел на карту и мысленно представлял версты, которые нарисовал Еланцев.

– Надо пересмотреть нормы. – Еланцев снова затянулся сигаретой. – Сибирь не Поволжье и даже не пески Каракумов. Хотя, понимаю, там тоже несладко. Но самая высокая эффективность нефтеразведочных работ у нас. Сюда прежде всего и надо вкладывать деньги. Кстати, на скважине Р-1 на Моховой сегодня начало расти давление.

– Что же мне сразу не сообщили? – резко спросил Остудин и почувствовал, как кровь бросилась в голову. – Кто там бурит?

– Вохминцев. Человек опытный. – Еланцев подошел к столу, погасил в пепельнице сигарету и поднял глаза на Остудина. – За него можно быть спокойным.

– Я никаких сообщений от него не получал, – заметил Остудин.

– Очевидно, было небольшое проявление газа. Сейчас все вошло в норму. Вот и молчит.

– Ты меня не разыгрываешь? – все еще не веря сказанному, спросил Остудин. – Не успел я появиться в экспедиции, и сразу – проявление газа.

– Именно, – кивнул Еланцев. – Проявление газа означает, что мы наткнулись на месторождение.

Главный геолог произнес это со странным спокойствием, а у Остудина судорожно бухнуло сердце. Сотни прекрасных геологов сносили тысячи пар сапог, лазая по тайге и болотам в поисках нефти и газа. Им приходилось под жуткое гудение гнуса спать у костра, мерзнуть на буровых, не щадить ни себя, ни тех, кто работал рядом с ними. И все напрасно. Казалось, что нефть рядом. Стоит пробурить еще одну скважину, еще несколько метров, и над землей с реактивным свистом забьет фонтан, которого геолог ждал всю свою жизнь. Но бурили последнюю скважину, последние метры, а нефти не было. А тут! «Неужели счастье улыбнулось в первые же дни?» – промелькнула у Остудина робкая мысль.

Еланцев то ли намеренно, то ли случайно сдвинул книгу, и Остудин снова увидел фотографию женщины. Она смотрела на него холодно и открыто.

– Жена, – тихо сказал Еланцев, перехватив взгляд Остудина.

– Вы разведены?

Еланцев уперся в Остудина колючим взглядом. Его удивило, что нового начальника успели уже посвятить в чужие семейные дела. Он хотел узнать – кто? И вдруг по наитию, а может, высчитав, не спросил, а заявил утвердительно:

– Краснов постарался опередить всех?

– Я в чужие семейные дела не лезу, – сказал Остудин, отвернувшись. – Да сейчас, по моему, ни у тебя, ни у меня нет особого желания говорить о них.

Еланцев согласно кивнул.

Остудин снова посмотрел на карту, в левом верхнем углу которой черным контуром была обведена Моховая площадь, и сказал:

– Нам с тобой надо будет слетать к Вохминцеву.

– Я хоть завтра, – ответил Еланцев.

– Завтра я не смогу. Надо кое с чем разобраться здесь. А вот через пару дней обязательно слетаем. Надеюсь, там ничего до этого времени не случится?

– Думаю, что нет, – сказал Еланцев и опустил глаза, остановившись взглядом на фотографии.

Остудин вышел. Мысль о семейных делах Еланцева сразу ушла на второй план. Покая душе не давала скважина на Моховой. «Неужели все-таки получим нефть?» – думал он, ворочаясь ночью на кровати. Сон не шел. В середине ночи он встал, шлепая босыми ногами, прошел к столу, на котором лежали сигареты, на ощупь нашел их, закурил. Но, сделав несколько затяжек, погасил сигарету и снова лег.

Утром, не заходя в свой кабинет, направился на радиостанцию. Никаких вестей от Вохминцева не было. Радист успокоил его:

– Я тут сижу неотлучно. Если бы что случилось, нам бы сообщили сразу. Таков порядок.

«А ведь он прав. И нервничаю я совсем зря», – подумал Остудин. Он вышел из конторы и, сев в машину, попросил шофера отвезти его к Оби. На льду залива, врезающегося в берег, его внимание привлекла одинокая фигура рыболова. Он попросил Володю подвернуть. Его интересовал не улов и тем более не досужая беседа. Его интересовала прочность льда. Не доезжая до рыбака метров тридцати, остановил машину, пошел пешком. Рыболов, оторвав взгляд от лунки, с недоумением смотрел на непрошеного гостя. Остудин, скользя сапогами по льду, подошел к нему, спросил:

– У вас это одна прорубка?

Вместо ответа рыбак вдруг напрягся, резко дернул вверх удочку и начал выбирать натянувшуюся, словно струна, леску. Через несколько секунд на льду затрепыхался крупный полосатый окунь. Сняв его с крючка, он повернулся к Остудину:

– Вы о чем-то спрашивали?

– У вас, говорю, это одна прорубка?

Удильщик с недоумением посмотрел на Остудина. Сразу было видно, что человек никогда не занимался рыбалкой.

– Нет, конечно. И на глыби есть, и на мели. Пока хорошего окуня вытащишь, от пешни спина взмокнет.

Остудин заглянул в ближнюю лунку. Матерый лед, уходя в провал, голубел, насколько видел глаз. «Середина марта, а по льду еще можно ездить на тракторах, – подумал Остудин. – Говорят, ледоход здесь начинается в середине мая. А когда появляются забереги?»

Подойдя к машине, спросил об этом у Володи. Тот ответил неопределенно:

– Вроде перед ледоходом и появляются.

Остудин усмехнулся:

– С таким «вроде» тебе, брат, на печке место, а не за рулем. Для водителя ледовая обстановка – таблица умножения.

– Для ледовой обстановки есть метеорологи, – сказал Володя таким тоном, что Остудин не понял – отшучивается человек или обиделся на справедливое замечание.

С берега Оби Остудин поехал в ремонтно-механический цех, затем зашел к электрикам и на склад цемента. И везде свои проблемы, везде жалобы на нехватку то одного, то другого.

Когда вернулся в контору, еще на лестнице услышал шум в своей приемной. Вслед за ним раздался женский визг. Перескакивая через ступеньки, Остудин влетел на второй этаж и рывком открыл дверь. Приемная выглядела необычно.

На стуле, прислонившись к вешалке, сидел мужчина лет сорока. Его голова безвольно клонилась вниз, тонкую шею в два оборота окутывал шерстяной клетчатый шарф. Один конец шарфа был засунут за пазуху, другой уходил за спину. Мужчина явно впадал в дрему и, казалось, был безучастен к тому, что происходило вокруг.

На пороге остудинского кабинета стояла шупленькая Машенька, широко расставив ноги и упершись руками в дверные косяки. Ее пытался схватить здоровенный парень в черном расстегнутом полушубке. Маша не давалась. Но он все-таки ухватил ее за отвороты жакета и, приподняв над полом, стремился отставить в сторону. Испуганным, визгливым голосом Маша кричала:

– Отпусти! Кому говорю, отпусти!

Увидев Остудина, совсем по-детски пожаловалась:

– Роман Иванович, чего он...

Остудин всю эту странную картину охватил одним взглядом и, как всегда бывает в таких случаях, не раздумывая, бросился в свалку. Схватив парня за воротник полушубка, он резко дернул его на себя, тот выпустил Машеньку и, повалившись на Остудина, чуть не сбил его с ног. Он едва успел отскочить в сторону. Парень, стукнувшись боком о стол, остолбенело остановился. Остудин шагнул к Машенькиному столу, придвинул стул и, по-хозяйски усевшись на него, властно спросил:

– Мария Григорьевна, что здесь происходит? Что это за люди?

Машенька, одернув жакет, в мгновение ока стала ответственным человеком, которого необычное событие только отвлекло, но не выбило из колеи.

– Он за какой-то запиской пришел, чтобы ему водку продали... К вам в кабинет рвался, – торопливо, но обстоятельно объяснила Машенька. – Я ему говорю, начальника нет, а он вцепился...

– Ты пока зайди в мой кабинет, приведи себя в порядок, а я поговорю с посетителями.

Остудин подвинулся, Машенька взяла из ящика стола свою сумочку и скрылась за дверью кабинета. Все это время парень в полушубке стоял и слушал, чем закончится разговор начальника с секретаршей. Внезапное появление Остудина и его резкий выпад оказались для него неожиданными.

– Как фамилия? – спросил Остудин, снизу вверх посмотрев на парня. Он специально не поднимался со стула, давая посетителю понять, кто здесь настоящий хозяин.

– Семен Лоскутов, – ответил парень. К удивлению Остудина, он не был пьяным. Если и выпил, то только слегка.

– С ним пил? – Остудин кивнул в сторону сидевшего.

– Я одеколон не принимаю, – ухмыльнулся Лоскутов.

– О какой записке ты говорил? Что это за записка на водку?

– В магазине сказали: новый начальник экспедиции приказал продавать водку только по запискам.

– Кто сказал?

– Продащица, кто же еще? – Парень, отступив на шаг, откровенно разглядывал нового начальника.

Остудина это удивило. Никаких распоряжений ни в отношении водки, ни в отношении каких-либо других товаров он не давал. И не только потому, что еще не успел разобраться в этом. Просто считал – вопросами снабжения занимается начальник ОРСа, ему за это и держать ответ. У начальника экспедиции других забот хватает.

– Мария Григорьевна, – Машенька уже привела себя в порядок и выглядела как невеста на выданье, – пригласите Соломончика. А ты, Лоскутов, подожди здесь.

Остудин прошел в кабинет, там пахло духами. Он покрутил головой, втягивая запах ноздрями. Всего несколько минут пробыла в нем женщина, а аромат парфюмерии казался устоявшимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.